

百人一首

蘇軾

Памяти академика Николая Иосифовича Конрада

На форзацах — фрагменты рукописи «Ста стихотворений ста поэтов» кисти мастера Гёко-хоси (1391—1455)

На стр. XXVI — изображение Фудзиваро-но Тэйка из живописной серии «Ста стихотворений» работы Кано Тэнню (1602—1674)

**СТО СТИХОТВОРЕНИЙ
СТА ПОЭТОВ**

**СТАРИННЫЙ ИЗБОРНИК
ЯПОНСКОЙ ПОЭЗИИ
VIII—XIII вв.**

Москва «Книга» 1990

Предисловие,
перевод со старояпонского,
комментарии

В. С. Сановича

Под редакцией

В. Н. Марковой

Художник

С. А. Стулов

Съемка слайдов

С. М. Румянцева

ТЕМА, ПАМЯТЬ, ИМЯ

«Сто стихотворений ста поэтов» — народная книга в Японии. Между тем известны и дата ее создания — 1235 год, и имя её составителя. Отпрыск знатнейшей ветви знатнейшего рода, Фудзивара-но Тэйка (Садаиэ, 1162—1241), поэт и филолог, был неутомимым тружеником. Лишь перечень того, что сделал этот вечно мучимый болезнями человек, занял бы немало страниц.

Стихи молодого Тэйка поразили современников новизной, их «темный стиль» вызывал споры, но вскоре из них родилось целое направление в поэзии. В зрелые годы Тэйка становится центральной фигурой литературной жизни Японии. В его теоретических сочинениях с классической завершающей полнотой высказаны основы японского понимания сути поэтического слова, понимания прек-

расного. Огромного размаха достигает его деятельность собирателя и кодификатора рукописей поэзии и прозы. «Сто стихотворений ста поэтов» оказались последней значительной работой Тэйка.

Составление поэтического сборника почиталось в Японии, с ее культом поэзии, творческим актом высшего порядка. Это должна была быть не просто книга хороших стихов, но композиция с обдуманной структурой, с продуманными переходами тем, переключкой мотивов. Сюита. Признанный шедевр соседствовал здесь с незаметным прежде стихотворением — и вдруг прелесть того и другого открывалась в своей глубине.

Созданная по случайному поводу, на заказ, эта небольшая антология несет на себе печать сложнейшей личности поэта, его пристрастий, давних литературных споров. За именами авторов стихов, в нее вошед-

ших, — события истории, отзвуки политических потрясений тех далеких времен. Подробные сведения обо всем этом читатель найдет в комментариях.

Искусство поэзии в Японии было издавна цеховой или семейной тайной, секретом, который переходил от отца к сыну, от учителя к ученику. «Сто стихотворений» долгое время были собственностью потомков Тэйка. Только в XVI веке антология явилась в мир и вскоре стала весьма популярна среди знатоков поэзии.

Но настоящую известность книга, составленная Тэйка, приобрела, соединившись... с пришедшей из Европы игрой в карты. Так возникли «ута-гарута» — «поэтические карты». Собственно, более всего эта игра напоминает лото. В колоде двести карт, на каждой — половинка стихотворения. Выигрывает тот, кто скорее

других соединит больше таких «половин». Начиная с XVII века и вплоть до недавнего времени японцы знали «Сто стихотворений» наизусть. По сию пору это любимое семейное развлечение в новогоднюю ночь. Много-сложная поэтическая сюита, проникнутая печалью, и веселая народная игра. Здесь нет противоречия. Это в самой природе японской классической поэзии, возникшей в глубинах фольклора.

Непрерывное последовательное развитие изначальных основ — важнейшая черта японской поэзии. Изменения накапливались исподволь, почти незаметно, но вот происходило их осознание, и тогда возникала антология, как веха на пути. Известно множество замечательных антологий, но главных было три: «Манъёсю», «Кокин вакасю» (далее «Ко-

кинсю») и «Син кокин вакасю» («Синкокинсю»).

«Манъёсю» («Изборник десяти тысяч листьев») создавался в течение второй половины VIII века. Здесь собраны и существуют в сложном единстве образцы народной и литературной поэзии начиная с V (III? IV?) века. Двадцать свитков этой грандиозной антологии составлены по-разному. В одних помещены стихи, созданные во времена правления определенных государей — в порядке хронологии. В других — народные песни, собранные в провинциях тогдашней Японии. В третьих — стихи, расположенные в порядке следования времен года. Причем в послед-

*** Существуют полный перевод и замечательное исследование этого памятника: Манъёсю: В 3 т. / Пер.; Вступит. статья и коммент. А. Е. Глускиной. М., 1971—1972.**

них есть и особое разделение: на стихи, где чувство высказано «прямо», и на стихи, где чувство выражено «в связи с чем-нибудь» (с каким-либо явлением природы или традиционного быта). Многочисленны рубрики иного плана: «о луне», «о весенней дымке», «об осеннем тумане», «о росе», «об осенних листьях» и т.д. Восходящее к мифу, к религиозным представлениям древних японцев понимание человека как нераздельной части природы — подательницы благ, сотворенной по слову небесных богов и потому изначально *добротной* (прекрасной), понимание это пронизывает народную поэзию. Оно давало чрезвычайную свободу в осмыслении окружающего мира, что засвидетельствовано в редкостно широком диапазоне изобразительных средств, выработанных ею и усвоенных поэзией литературной. В «Манъёсю» устанавливается и метрический за-

кон японской поэзии (она силлабична): чередование пяти- и семисложных стихов, и там же выделяется ее главная строфическая форма «танка» («короткая песня»). Танка состоит из пяти стихов, соответственно 5:7:5:7:7 слогов в каждом. Для нее, как пронциательно замечает В. Н. Маркова, «характерен нечет. И, как следствие этого, постоянно возникает то легкое отклонение от кристалльно-уравновешенной симметрии, которое так любимо в японском искусстве. Ни само стихотворение в целом и ни один из составляющих его стихов не могут быть рассечены на две равновеликие половины. Гармония танка держится на неустойчивом и очень подвижном равновесии. Это один из главных законов ее структуры, и возник он далеко не случайно» *.

**См. предисловие к книге Сайгё
«Горная хижина». М., 1979. С. 10.**

Танка очень древняя поэтическая форма, открытая гением народа. Размышляя об особенностях облика знаменитого синтоистского храма в Исэ, первоначальная постройка которого относится к III—IV векам, В. Е. Бродский показывает, как в его архитектуре «переосмысливается древний опыт свайных построек. <...> Предметом архитектурной и художественной разработки становится именно то, что в более ранних постройках мыслилось как естественная, опытом утвержденная необходимость». Далее он пишет: «Анимистические воззрения древнего природного культа, наделявшего особой скрытой жизнью предметный мир, в своем художественном переосмыслении, в его наиболее простом варианте, нашли выражение в особом отношении к материалу, в признании прежде всего его особых эстетических природных свойств. Так, напри-

мер, деревянная конструкция храма в Исэ почти не покрыта краской. <...> Сама по себе отшлифованная поверхность дерева, его цвет, фактура утверждаются как художественно ценные. <...> Такой подход к материалу <...> был обусловлен желанием не только сохранить, казалось бы, *прерванную связь* (курсив наш. — В. С.) используемого материала с миром природных вещей, но и открыть в нем новые качества, которые в более общем, глубоком плане определяют его причастность к миру обожествленной природы. <...> Развитие такого рода эстетических представлений привело в конечном итоге к формированию имеющей самостоятельное значение художественной концепции, одним из проявлений которой явилась оценка конструкции как основной носительницы художественной идеи, как «определенное самой природой вещей начало» *.

Момент природы и момент искусства, возможность импровизации и необходимость мастерства заложены в самой структуре танка. Отсюда эта ее способность к изменениям, ее всеотзывчивость, обеспечившие ей столь долгую жизнь, вплоть до ее последнего взлета в начале XX века. В ее консервативности парадоксальным образом таилась открытая форма, приходившая в поэтическое движение от пристального взгляда слагателя песни, в его напряженном слухе. Все это было уловлено и развито поэтами «Манъёсю». Вот Какиномотоно Хитомаро:

Среди моря небес
Волны встают облаков,
И видится мне:
Скрывается лодка луны
В чашобе несчетных звезд.

*** См. Бродский В. Е. Японское классическое искусство. М., 1969. С. 17–18.**

Вот Ямабэ-но Акахито:

В весеннее поле
Пришел я — мне захотелось
Нарвать фиалок,
Но поле вошло в мое сердце,
Ночь целую там провел я.

В «Манъёсю» складывается главная тема японской поэзии: природа и человек, ее основные циклы: лирика природы и лирика любви. Необходимую для дальнейшего развития искусства тесноту и трудность внутренней формы танка обретает в следующей по времени антологии.

«Кокинсю» («Изборник старых и новых песен Ямато») был составлен в 905 году. Здесь собраны и расположены в стройном порядке образцы танка IX—начала X века: времена года, славословия, песни разлуки, песни странствий, также песни с иг-

рой слов, песни любви, разные песни и т. д. Из двадцати свитков шесть посвящены временам года (на весну и на осень отведено по два свитка), пять составляют песни о любви. Этот порядок с небольшими изменениями выдерживался во всех последующих антологиях танка. В «Кокинсю» установился канон тем, лексики, изобразительных средств.

Знаменитый японский филолог Камо Мабути (1697—1769) писал: «По тому, каковы песни Ямато, можно судить о том, как менялись времена от самой древности до наших дней».

Если для «Манъёсю» характерны ясность, простота, искренность и напряженность чувств, мощь, подчас даже грандиозность, если в поэзии «Кокинсю» господствуют полутона, оттенки чувств, нередко вопросительная интонация, ощущение мимолетной, а потому рождающей печаль

красоты земного мира, обостренное внимание ко всему зыбкому, преходящему, переходному, граням сна и яви (недаром весне и осени посвящено по два свитка, а лету и зиме — по одному), то поэзия «Синкокинсю» («Новый сборник старых и новых песен Ямато», 1205) пронизана чувством скорби, пугающей таинственности бытия, тоски о невозвратном прошлом.

В середине XII века рухнуло многовековое владычество рода Фудзивара, в борьбе за власть в столице столкнулись два могущественных воинских клана: Тайра и Минамото. Шла к своему концу целая эпоха. Конец ее ощущался как конец мира. В то же время десятилетия эти — с середины XII века по 20—30-е годы XIII века — ознаменованы необыкновенным подъемом литературы. Лики ее деятелей озарены пожарами дворцов, в их стихах слышен

гул сотрясаемой феодальными войнами страны. Ими владело чувство итога. В «Синкокинсю» это чувство выразилось с редкостной силой. Тысяча девятьсот семьдесят девять ее стихотворений в их стройной композиции претворили пятивековой путь классической танка. Фудзивара-но Тэйка сыграл выдающуюся роль в долгой многотрудной работе по составлению «Синкокинсю». Спустя тридцать лет он создал антологию «Сто стихотворений ста поэтов».

Первое отличие «Ста стихотворений» от классической антологии в том, что здесь не соблюден принцип строгого следования канонических тем. Судя по порядку имен поэтов, Тэйка, кажется, хотел представить в ней краткую историю жанра «танка».

Читатель должен поверить нам на слово, что многие знаменитые сти-

хотворения в эту антологию не попали и, наоборот, в ней есть стихотворения, присутствие которых в столь знаменитой антологии впоследствии удивляло (это еще мягко сказано) любителей поэзии.

Книга «Сто стихотворений ста поэтов» настолько тесно связана с основной проблематикой японской классической поэзии от самых ее истоков, что наше предисловие грозит превратиться в дурную бесконечность, если не прибегнуть к приему, то есть указать читателю такую точку обзора, с которой открылось бы пространство темы во всей ее глубине, с отчетливым передним планом и необходимой дымкой на горизонте. К счастью, такую возможность дает сама книга. Хотя она прожила долгую жизнь и что-то в ней менялось (подлинный манускрипт не сохранился), стихотворение Тэндзи-тэнно с самого начала открывало книгу.

Тэндзи-тэнно (626-671) — тридцать восьмой, по традиционному счету, император Японии. Четыре его стихотворения входят в «Манъёсю», но как раз стихотворение, которое по замыслу Тэйка (казалось бы, вполне ясному) должно представлять эпоху становления жанра танка, засвидетельствованную в «Манъёсю», — стихотворение это в ней отсутствует.

Более того, впервые оно появляется лишь в сборниках середины X века и в особенности известно по антологии «Госэн вакасю», составленной в 951 году, то есть через триста лет после смерти Тэндзи-тэнно и двумя веками позже периода составления «Манъёсю». К тому же, хотя оно и помечено там именем Тэндзи-тэнно, серьезные сомнения по поводу его авторства возникли уже давно. Современные исследователи считают его безусловной подделкой.

Знал ли об этом Фудзивара-но Тэйка и, если знал, что стоит за таким выбором? Начнем с обычного комментария. *Осеннее поле*, о котором идет речь в стихотворении, — это поле созревшего риса, а *непрочный приют* — шалаш для сторожа, хранящего поле от птиц, оленей и грызунов, или — для жнеца. Крыша его наскоро (грубо) сплетена из стеблей осоки или мисканта и потому плохо защищает от обильной предрассветной росы.

Казалось бы, перед нами всего лишь эпизод сельского быта, отображенный в стихотворении. Но приглядимся еще раз к его первому стиху. В сочетании слов «осеннее поле» (в оригинале «осени поле») оба слова равноправны. За вторым словом — область наблюдений, впечатлений, чувств земледельца, связанная с двумя рядами событий: весенней по-

садкой риса и осенним сбором урожая. Первое слово очерчивает эту область во времени, но зато вмещает в себя еще и иные события жизни человека. Естественно, что это сочетание слов давно — много раньше, чем возникла танка, — стало песенным зачином и (или) постоянным эпитетом к словам, жизненно связанным с ним, например, к слову «рисовый колос».

Приведем теперь некоторые танка из «Манъёсю», которые начинаются с этих слов: «На осеннем поле // Затуманила колосья риса // Утренняя дымка... // Где, в какой стороне исчезнет // Тоска, что легла на сердце?» — «На осеннем поле // На колосья риса легли // Белые росы... // Исчезнут, верно, — и я // О себе помышляю то же». — «На осеннем поле // Гнутся колосья риса, // В одну сторону гнутся... // К тебе лишь вся моя дума, // А ты ко мне безучастен». —

«На осеннем поле // Жатва риса
моя // Сполна завершилась, // И по-
лышались клики гусей. // Клонится
время к зиме».

Не только первая строка, но и другие слова или целые строки этого стихотворения должны были вызывать в памяти начитанного японца стихи из «Манъёсю»: «Жну осеннее поле. // Сплел я непрочный приют // И в нем поселился. // Как рукава холодят! // Это пала на них роса». — «Жну осеннее поле. // Шевельнулся плетёный навес. // Это весть прилетела: // Не осталось больше полей, // Где белым росам спокойно». — «Осенних лугов // Травы срезая, укрыл он // Наш краткий ночлег — // Тот, в стольной Удзи священной, // Непрочный приют вспоминаю».

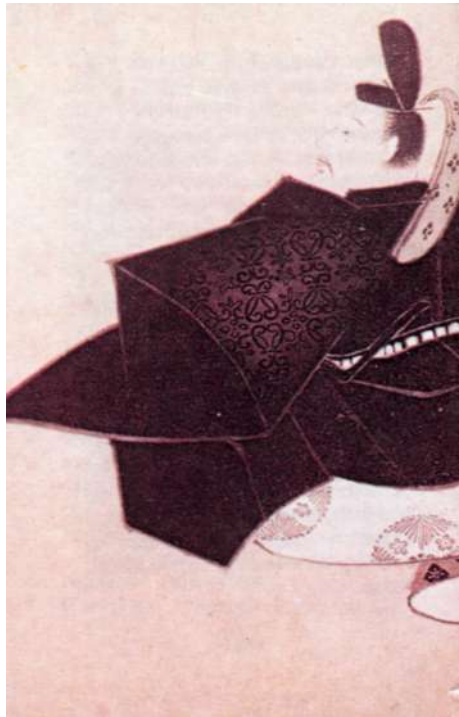

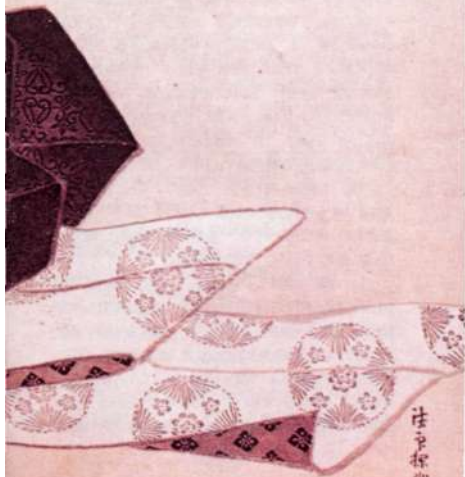
Примеры можно было бы продолжать, но и этого, думается, довольно,

чтобы уяснить, что каждый из пяти стихов этого стихотворения связан множеством связей, прямо или опосредованно, с лирикой «Манъёсю». И вот выясняется, что все приведенные стихотворения отличаются той или иной степенью конкретности: в них выражено какое-либо единственное состояние чувств или определенная картина природы; есть действие. А в стихотворении Тэндзи-тэнно действия нет, движение отсутствует. Все уже произошло. Оно как бы пусто. В нем, кажется, есть смысловой центр: указывается причина, по которой влажны рукава, — выпавшая роса. Но причина эта заведомо ложная: в поэтическом каноне, к которому принадлежала антология «Госэн вакасю», где это стихотворение впервые помещено, роса есть метафора слез.

Таким образом, в данном стихотворении соединились несколько временных пластов. Если первая

строка принадлежит глубокой древности, образы каждой строки в отдельности — эпохе «Манъёсю», а стихотворение в целом — середине X века, то прочитано оно и переосмыслено человеком совсем иной эпохи. Для Фудзивара-но Тэйка уже не существует бытовой фон стихотворения, взгляд его отмечает, но тут же минует метафору, он сосредоточен на росе. Роса лежит не только на рукаве, она тяжело осыпала поле, она везде. Это — образ абсолютной тишины, какая только бывает перед рассветом, И он вглядывается в человека. Одиноким человек среди полного безмолвия — образ сосредоточенного в себе бытия. Но взгляд поэта устремляется дальше — к самому себе, к глубинам сверхбытия, к «истинному сердцу» буддийского закона, теряется там, где уже не нужны слова...

法中探幽筆

Среди тысяч стихотворений ушедших времен Тэйка открыл стихотворение, на первый взгляд чрезвычайно простое, но прочтение которого рождает чувство «югэн», чувство сокровенной красоты, внезапно явленной среди печалей и скорбей земного мира. «Югэн» («таинственное и темное») — центральное эстетическое понятие японского искусства второй половины XII века, в особенности поэзии. Это время становления Тэйка-поэта.

Но ведь можно было выбрать и другие стихотворения. Но для Тэйка было несомненно важно имя, которым оно было подписано.

С именем Тэндзи-тэнно связано становление японской феодальной государственности по китайскому образцу, стремительное и мощное усвоение континентальной культуры, великих этических и религиозных учений, письменности, рождение литера-

турной поэзии. Об руку с императором действовал выдающийся советник Накатоми-но Каматари, получивший фамилию Фудзивара, основатель могущественного рода. Они установили мир, придали стройность земному порядку.

Наконец, Тэндзи-тэнно — герой романтической легенды, запечатленной в «Манъёсю». Соперничество между ним и его братом, влюбленными в принцессу и замечательную поэтессу Нукада, отражено в знаменитом стихотворении Тэндзи-тэнно:

Гора Кагуяма
Унэби-гору полюбив,
С Миминаси-горою
Заспорила о первенстве.
От века богов
Не иначе обычай такой,
Что люди земные
Спорят о женах своих.

Гора Кагуяма появляется во второй танка «Ста стихотворений», сло-

женной государыней Дзито-тэнно, дочерью Тэндзи-тэнно. Царствование Дзито-тэнно ознаменовано первым расцветом поэзии, в это время творил великий Какиномото-но Хитомаро, стихотворение которого следует третьим. Так начинается движение, стихотворение сменяется стихотворением, движется время, сменяются эпохи. Изборник открывается двумя именами государей и отзывается двумя именами в конце; но это имена государей, утративших власть, или, вернее, не обладавших ею изначально. Перекличек в изборнике множество, и нередко связи между стихами в прямом смысле — родственные. Вот стихотворение деда, вот — отца, вот — матери и дочери. Отзываются друг другу строки, образы, темы — по принципу созвучия и контраста. Параллельно истории страны разворачивается история литературы. За иными именами — великие книги, про-

славленные жизни. И вдруг рядом с именем известного поэта — имя, на первый взгляд вторгшееся в изборник совершенно незаконно. Так, Ёдзэй-ин и Коко-тэнно — имена в поэзии почти случайные. Но, оказывается, они самым непосредственным образом связаны со знаменитым историческим сочинением Дзизэна «Заметки глупца» («Гукансё», 1220 г.), в котором тот размышляет об истоках событий, потрясших Японию во второй половине XII века. Главную их причину он усматривает в нарушении «дори» — всеобщего божественного и земного закона. Пока государи правили, а вельможи из рода Фудзивара были их советниками, народ благоденствовал. Но вот Фудзивара, «поставлявшие» жен государям, стали возводить на престол малолетних детей, чтобы самим вершить дела страны. Боги разгневались и отвернулись от императорского дома и от

Фудзивара. Ярчайшим примером Дзиэн приводит историю Ёдзэй-ина, сделанного государем в десятилетнем возрасте и постриженного в монахи четыре года спустя. Коко-тэнно находился на престоле всего три года, но зато он стал государем, когда ему было пятьдесят пять лет... Так от имен авторов одного-двух известных стихотворений протягиваются живые линии к Дзиэну, выдающемуся поэту, ученику Сайгё и другу Тэйка, но это уже особая тема.

У этого примера, однако, есть и другая сторона, выражающая коренную черту японской поэзии: а именно то, что перед «песней Ямато» равны все — и государь, и хутородный чиновник, и крестьянин; всеми признанный поэт и «дилетант»; что грань между знаменитостью и безымянностью принципиально зыбка, исчезающе незаметна. Книга Тэйка — прежде всего сборник стихов,

а потом уже антология имен. И вся эта сложнейшая сюита (с несомненной тайнописью, над которой ломают голову поколения филологов) возникает из первого стихотворения, основная тема которого — осень с ее раздумьем, окрашенная едва различимой вначале любовной темой. Затем вторая тема разрастается: в сборнике сорок шесть стихотворений на тему любви.

Тема, память, имя — ключевые понятия в структуре сборника, да и во всей японской классической поэзии в целом.

И, думается, не вспоминал ли Фудзивара-но Тэйка, начиная составлять сборник, о танка из своего раннего цикла «У залива Футами, сто стихотворений» (1186 г.):

Гляжу на простор.
Где цветы, где красные листья?
Ничего не осталось.

Рыбачий приют у залива...
Темный осенний вечер.

Разве не ощущается в этом стихотворении с его центральным образом — непрочной рыбачьей хижинкой на пустынном берегу моря — настроение, близкое тому, что и в танка, отмеченной именем Тэндзи-тэнно? Свое стихотворение Тэйка написал на тему Сайгё (1118—1190):

Сейчас даже я,
Отринувший чувства земные,
Изведал печаль.
Бекас взлетел над болотом...
Темный осенний вечер.

(Перевод Веры Марковой)

Это не случайно. Ведь не только что цикл «У залива Футами» был создан по наставлению Сайгё, но и Сайгё — великая честь! — послал на суд молодому поэту (и уже признанному знатоку) свой последний изборок стихов. Между тем трудно найти

поэтов, более непохожих, судьбы более контрастные.

Хочется, чтобы сегодняшний читатель сразу, на примере двух стихотворений расслышал то, что было внятно современникам. Стихотворение Сайгё — из знаменитейших. Отец Тэйка, Фудзивара-но Тосинари находил его «несравненным по чувству «югэн», в нем выраженному». В «Синкокинсю» они стоят рядом, причем стихотворение Тэйка в антологию поместил сам инициатор ее составления, государь-иннок Готоба-ин. И он же, создавая в ссылке (см. прим. 99) свой вариант антологии, его исключил. Причина? Та, что «событийная часть» стихотворения есть искусно (или вдохновенно?) переосмысленная часть одной фразы из «Повести о Гэндзи» Мурасаки-сикибу (см. прим. 57). Для нас это не более чем обогащающий — но никак не отменяющий смысла — комментарий.

Для современников за всяким стихотворением Сайгё стояло: я там был (хотя это и не всегда было так), за всяким стихотворением Тэйка: я это себе представил. То есть речь идет о мере подлинности поэзии. Мы умышленно упрощаем ситуацию, она, естественно, сложнее; но она существовала. (Показательно, что это время — эпоха расцвета реалистического портрета в живописи, причем созданию такого изображения непременно предшествовали наброски с натуры.)

В «Изустном наставлении для начинающих», созданном годы спустя после «Синкокинсю», Готоба-ин вспоминал: «Тэйка, воистину, несравненный стихотворец. Он не проявлял должного почтения даже к стихам своего выдающегося отца, господина Сякуа. Говорить ли о прочих, кого он попросту ни во что не ставил?! Стихи Тэйка, изысканно прекрасные, хотя и обильные многосложными изворота-

ми, в самом деле, бесподобны. А его познания в искусстве поэзии замечательны особо. Когда он рассуждал, что в таком-то стихотворении хорошо, а что дурно, он был великолепен. А уж когда желал защитить какое-либо стихотворение, не отступал ни перед чем, покуда не доказывал, что олень — это лошадь. Надменность его превышала всякое вероятие. ...Даже если дело шло о его собственных стихах, а он не считал их удачей, он впадал в ярость, стоило кому-то одобрить их». (Тут Готоба-ин приводит пример с одним из шедевров Тэйка, который ему, на беду, понравился.) Далее он рассказывает, как, повелев однажды лучшим поэтам сложить стихи на темы пейзажей, изображенных на сёдзи — раздвижных перегородках у себя во дворце, выбрал он для надписи к одной из них танка Дзиэна, а не Тэйка. Он забавно жалуется на то,

что Тэйка «повсюду и перед всяким встречным высмеивал и хулил его выбор». Однако добродушие и юмор исчезают, едва он переходит к выводу: «Итак, стихи Тэйка несомненно замечательны, подражать же им — невозможно. Ибо не глубина чувств — заветная цель Тэйка, но красота слов и изысканное развитие темы. Если начинающий поэт, не утвердившийся еще в уставе стихотворства, примется подражать ему, получатся стихи, утратившие верный образ стихов. Тэйка — прирожденный мастер, но содержание поэзии не имеет для него особой цены; лишь благодаря изощренной отделке он слагает выдающиеся произведения. ...Даже среди превосходных его стихов общеизвестны немногие. Между тем лучшие стихи Сякуа и Сайгё отличаются и искусством, и красотой, но сверх того и глубиною чувств, а так как слова следуют в них с

Здесь намек на строки священного для всякого поэта предисловия Ки-но Цураюки к антологии «Кокинсю»: «Без всяких усилий движет она (песня. — В. С.) сердцами божеств земных и небесных, вызывает сострадание даже у духов умерших существ, невидимых взору...» Неизвестно, когда были сложены эти, едва не кощунственные, стихи, и чем они вызваны. Впечатляет решительность, с какой подвергалась сомнению основа основ — умиротворяющая власть поэзии*. А энергия высказывания удивительно соответствует образу поэта, воссозданному Готоба-ин.

В воспоминаниях Готоба-ин отразились его споры с Тэйка в период составления «Синкокинсю». Речь

*** На это стихотворение указывает Исидэ Ёсисада в своей книге о Фудзивара-но Тэйка (Токио, 1957. С. 173).**

там, несомненно, шла о принципах отбора стихов. Причем можно совершенно точно сказать, о чем они не спорили: о Сайгё. В том же «Изу-стном наставлении» говорится: «Сай-гё— вот кто поэт по рождению. На-прасно стали бы подражать ему по-верхностные стихотворцы. Нет слов, чтобы выразить, каков мастер был Сайгё!» Тэйка, согласно заслужива-ющей доверия традиции, заметил как-то: «Сайгё и Дзиэн творили сти-хи, другие их сочиняли». И все же Сайгё присутствовал незримо в их споре, так как спорили они о том, какая поэзия настоящая. Этот спор отзовется в веках. Между тем ощу-щали они Сайгё по-разному. Для Тэй-ка это был младший современник, для Готоба-ин, который был восем-надцатью годами моложе Тэйка, — вполне определившаяся (и импера-тивная) данность. Для Готоба-ин имя Сайге соединено с именем Тосинари,

для Тэйка—с именем Дзиэна (см. прим. 95). Предмет спора возник много раньше, в пору молодости Тэйка.

Тайные мысли мои
Кому я оставлю в наследство,
Чьим открою глазам?
Сердце мое переполнил
Этот весенний рассвет.

(Перевод Веры Марковой)

Эти строки двадцатидевятилетнего Тэйка, так же как и стихотворение «Земли и небес...» — знак конца большой эпохи в поэзии. Последовательно и ровно развивавшаяся традиция давала японским поэтам почти безграничные возможности выражения своей, особой душевной жизни, но никто до Тэйка не настаивал столь определенно на собственной поэтической особости. Сайгё в этом не нуждался. Он, как то свойственно истинному величию, творил словно бы от имени самой песни. Недаром легенда почитала его новым вопло-

щением Какиномото-но Хитомаро. Выходец из знатного воинского рода, он в 1140 г. покинул службу в личной гвардии государя и принял монашеский постриг. «Бежал ли Сайгё от опасности? — пишет В. Н. Маркова — Пережил ли какую-то личную драму или душный мирок ему опротивел? Мы этого не знаем. Вернее всего, поэзия увлекла его в монашество». Последняя фраза — не метафора. Подвижничество буддиста и самозабвенное одиночество поэта, чувство полной растворенности в потоке бытия и ощущение непрочной прелести земного мира — все это с небывалой силой сказалось в его стихах. Время печалей, тревог, сумрачное время феодальных войн породило поэзию гармонически ясную, исполненную мысли и провещающую свет. Сайгё еще при жизни сопутствовала великая слава. Но, думается, многосложность и новаторская глубина его по-

эзии, ее скрытый трагизм, все далеко идущие ее последствия были «за-слонены» как раз ее ясностью и простотой. На этом фоне стихи молодого Тэйка были восприняты как нарушение канона. Современники усмотрели его в таких, к примеру, не свойственных Сайгё, ни тем более Тосинари, пульсациях одинаковых или однородных слов: «Жесточе тебя, // Жесточе этого мира // Судьба моя! // Она все во мне переменяла. // И только обида осталась». — Или: «Бедствия сердца. // Тоску, печальную память // Снесу безмолвно, // И все же, о этот мир, // Где былого мне больше не встретить!»

Приведем стихотворение, по видимости совсем простое: «Налетел и прошел. // И дождь, и редкие капли // Аромата полны. // От цветка к другому цветку // Меняется тропка в горах». Однако и в нем есть своя «непростота», потому что сочетание

в одной строке дождя и капель в классической поэзии почиталось невозможным. Речь пока идет о том, что можно было бы отнести к новациям частностей. Но вот одно из самых знаменитых стихотворений Тэйка, входящее в «Синкокинсю»: «Аромат расцветающей сливы // Льют влажные от слез рукава, // И сквозь кровлю сочась, // Лунный свет так горит на них, // Слово спорит с благоуханьем! (Перевод В. Марковой). Здесь немыслимое у Сайгё, но весьма характерное для Тэйка смещение смыслового центра стихотворения от образа земной печали (слёзы) к образу абсолютной, отрешенной от мира красоты. Сравним это с волевым духовным усилием Сайгё: «Как же мне быть? // На моем рукаве увлажненном // Сверкает свет, // Но лишь прояснится сердце, // В тумане меркнет луна.» (Перевод В. Марковой). Творчество

Сайгё словно бы поддерживало хрупкое равновесие человека и мира, и с его кончиной равновесие снова нарушилось. Тэйка, понимавший это, как никто другой, заглянул в жизненные бездны, таившиеся за гармонической ясностью Сайгё, и ринулся в них. Как часто стихи Тэйка, начинающиеся на светлой ноте, будто исчезают в излюбленном им сумраке: «Там, далёко, // Ноздри тянет к цветам, // Ржет и уходит... // Простирается голос коня весной // До заката долгого дня». — «Виден во все концы, // Помавает юными листьями луг, // Серебрится, дрожит... // Жаворонок поет в вышине // В сумерках вешнего дня». Сумрак для Тэйка — образ непознаваемого мира. Тэйка пробивается к самым истокам слова, ибо не доверяет миру, его мощное воображение творит ярчайшую красоту, возникающую вспышками во мраке (буквально так: «Наплывает

сияя, // Изголовье мое леденит... //
В благоуханья сливы // Из мрака
ночного дождя // Кажется, звезды
восходят»). Он работает на таких
лексических переходах, которые,
подчас, вняты только ему, великому
филологу, а его переводчику только
и остается в иных случаях, что при-
бегать к беспомощным многоточиям...
Недаром ни одно из его стихотворе-
ний не было включено в раздел
буддийских песнопений «Синкокин-
сю»; и недаром опальный Готоба-ин
несказанно удивился, узнав, что Тэй-
ка в старости принял монашество.

Он пережил почти всех своих
сверстников и даже иных талантли-
вых учеников. Оставались воспоми-
нания. Когда Уцунomia Ёрицуна,
тесть его сына Тамэиэ, попросил его
составить список танка — с тем, что-
бы художники украсили сёдзи в его
загородном доме живописью на темы
этих танка, заказ пришелся кстати.

Список должен был быть обширен, так как сёдзи (раздвижные перегородки) предполагалось расставить много: загородный дом богатейшего феодала, родственника Ходзё (держателей власти в стране) был роскошен. Стоял он недалеко от столицы, близ горы Огура.

В своем дневнике он кратко поместил, что «отобрал по одному стихотворению из поэтов минувших времен от Тэндзи-тэнно до Иэтака и Масацунэ». Считается, что в первоначальном списке было девяносто семь стихотворений: танка самого Тэйка и государей Готоба-ин и Дзюнтоку-ин отсутствовали. Почему не был представлен составитель, мы не знаем, что до государей, то они находились в ссылке, а их имена — под запретом. Наиболее вероятно, что добавил их Тамэиз, которому отец, конечно, передал тайну своего замысла.

В. Санович

СТО СТИХОТВОРЕНИЙ
СТА ПОЭТОВ

ИЗБОРНИК
КЛАССИЧЕСКИХ ТАНКА,
СОСТАВЛЕННЫЙ
ФУДЗИВАРА-НО ТЭЙКА
В 1235 ГОДУ
И ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА
ОГАТА КОРИН

ТЭНДЗИ-ТЭННО

На осеннем поле
Непрочный приют осенен
Сквозной плетенкой.
Оттого-то мои рукава
Что ни ночь от росы намокают.

天智天皇

秋の田信

かきか

いふ乃

あはれ

ТЭНДЗИ-ТЭННО (627–671) — тридцать восьмой император Японии. Тэнно (небесный государь) — слово китайского происхождения; стало применяться в отношении главы царского рода начиная с принца Нака-но Оэ, вошедшего на престол в 662 г. под именем Тэндзи (небесная мудрость). Большинство его предшественников — фигуры в лучшем случае полупоэтические. Порядок их следования как земных потомков богини солнца Аматэрасу выстроен в летописных сводах начала VIII в. Тэндзи-тэнно — едва ли не первый государь, сведения о котором складываются в биографию. Обратим внимание на очевидную и драматическую параллель образов Тэндзи-тэнно и государя Готоба-ин [99]: ведь Тэндзи-тэнно был одним из руководителей успешного заговора против наиболее могущественного клана тех времен, в итоге которого началась эпоха Великой перемены (Тайка, 645), и Япония вступила на путь феодальных реформ, а заговор окончился для него поражением.

ДЗИТО-ТЭННО

Весна миновала.
Кажется, лето приспело.
Одежд белотканых
Сохнет холст на склонах твоих,
Небесная гора Кагуяма!

持統天皇

春の夜

けし

ま

丹の

山 乃 云

子 乃 云

ДЗИТО-ТЭННО (645—702) — сорок первая императрица Японии (687—696), дочь Тэндзи-тэнно.

Данное стихотворение взято из ант. «Синкокинсю», «Песни лета». Речь идет о народном обычае: в начале лета из домашних ларей доставали летнюю одежду и раскладывали на земле для проветривания. Ткань для крестьянской одежды изготовлялась в древности из белых волокон бумажного дерева. Поэтому слово белотканый — постоянный эпитет к слову одежда. Также очень давно оно стало обозначением ярко-белого, первозданно-белого цвета и эпитетом ко всему, могущему быть белым: облакам, волнам, крыльям птиц, горным вершинам. Но сквозь это, уже отвлеченно-белое, неизменно проступает его природно-белая, текстильная основа (см. стихотворение Ямабэ-но Акахито о горе Фудзи).

В оригинале «белотканый» — третья, срединная строка стихотворения, как бы соединяющая два уровня бытия: смену годовых вре-

мен — первые две строки — и отзвуки мифа — в последней строке. *Небесная гора Кагуяма* (Ама-но Кагуяма) — одна из трех прославленных красотой гор в провинции Ямато (совр. преф. Нара) — см. в Предисловии, с. ХХІХ. Согласно одному из мифов она спустилась с неба. Но здесь особенно важно, что эта гора — «активный участник» мифа о том, как солнечная богиня Аматэрасу сокрылась, обиженная, в небесном гроте и как другие боги выманили ее оттуда, и мир вновь озарился сияньем солнца.

Мягкий, но сильный свет некрашенных полотен холста (японская одежда легко распарывалась), лежащих по горным склонам, напоминает о мощном сиянии мистерии. Округлые очертания лесистых гор на картинах-иллюстрациях Огата Корин не раз напомнят читателю об этой горе.

В стихотворении Дзито-тэнно запечатлен пейзаж, который был хорошо виден из государева дворца в местности Фудзивара, как это яв-

ствует из пояснения в «Манъёсю», однако, в «Синкокинсю» это стихотворение предстает в преображенном виде. Благодаря чуть заметному, но существенному изменению глагольной модальности оно (точно сменной регистра) переведено из реального плана в план элегического переживания. Так же как первое стихотворение изборника вступает в параллель с девяносто девятым, так второе — отзывается в сотом: «нескончаема память былого».

**КАКИНОМОТО-НО
ХИТОМАРО**

В глухих далеких горах
Фазан длиннохвостый дремлет.
Долог хвост у фазана.
Эту долгую-долгую ночь
Ужели мне спать одному?

標 幸人 磨

あ
し
の

の

ら
る
か
ん
ん

し
ら
る
か
ん
ん

竹

竹

竹

竹

КАКИНОМОТО-НО ХИТОМАРО (ум. в нач. VIII в.) занимает совершенно особое место в истории национальной культуры: он — первый великий поэт Японии. Сведения о его жизни крайне скудны. Известно, что он служил при дворах Дзито и Момму (697—707) на весьма скромных должностях (причина полного молчания о нем хроник), что немало ездил по стране, особенно по юго-западу Хонсю, бывал на Кюсю, а остаток жизни провел в Ивами, на западном побережье Хонсю, что был дважды женат, и у него были дети. Родился Хитомаро, вероятно, в начальные годы становления феодальной государственности, а умер незадолго до возведения постоянной столицы страны, города Нара (710). Это была эпоха, когда с нарастающей интенсивностью шло усвоение континентальной культуры. Для записи поэтических текстов (песен, имен, географических названий) в их звучании были особым образом применены китайские иероглифы. Рождалась своя система

письма. Песенное слово бесписьменной культуры, подхваченное людьми новой образованности, в считанные десятилетия стало литературной поэзией, и центральной фигурой здесь явился Какиномото-но Хитомаро. К Хитомаро во всей полноте сходятся народно-песенная лирическая и эпическая традиции, от него ведет свои истоки последующая японская поэзия. Уже Отомо-но Якамоти называет его учителем (наряду с Ямабэ-но Акахито, см. 4). В прославленном предисловии к антологии «Кокинсю» Ки-но Цураюки [35] утвердил за Хитомаро прозвание «ута-но хидзири» — «чудотворец песни». Первоначальное значение слова «хидзири» — «ведающий солнце», т. е. жрец, наделенный священным знанием и — чудесным могуществом. Трудно себе представить, чтобы Цураюки не имел этого в виду, и трудно не связать это с высказыванием Фудзивара-но Тосинари: «...Какиномото-но Хитомаро — вот кто был чудотворцем песни! Да и принадлежит ли он к обыкновенным

людям? Мало сказать, что его песни сполна отвечают самой сути песен его времени. Обновлялись времена, менялись чредою сердца людей и облики песен, но кажется, будто все его песни отвечают и старинному веку, и последним временам — не оттого ли, что они единым взором охватывают и далекую древность, и недавнюю древность, и нынешние, последние времена». Мысль Тосинари поражает глубиной. Она выводит понимание творчества Хитомаро за грани историко-литературных дефиниций в пространство самой поэзии.

Хитомаро работал во всех известных тогда строфических формах. В «Манъёсю» — семнадцать его танка и двадцать тёка (длинных песен с неопределенным числом строк). Кроме того, в антологию входит около 400 собранных и записанных им произведений народной и литературной поэзии из не дошедшего до нас «Изборника Хитомаро» (считается, что среди них — и его собственные стихи). Каждая последующая антология,

каждая эпоха «выбирала» у него стихи под стать своему стилю или приписывала ему анонимные шедевры. В изборнике его танка, созданном много позднее его смерти, есть цикл из шестидесяти шести стихотворений: в каждом — игрой слов зашифровано одно из названий тогдашних провинций Японии. Здесь не место обсуждать подлинность этих стихов, однако за этим фактом — осознание Хитомаро как поэта всей страны.

Данное стихотворение взято из антологии «Сюи вакасю» («Песни Ямато, подобранные из тех, что не вошли в прежние изборники». 984—986. Далее — «Сюисю»), где оно впервые помечено именем поэта. Входит в «Манъёсю» как безымянная реплика к песне 2802 с пометой: «Из одной книги».

В оригинале — первые три строки — постоянный зачин к слову «долгий». По старинному толкованию (Миnamото-но Тосиёри [74]), этот зачин связан с народным поверьем: чета

фазанов обречена коротать ночь по-
рознь, разделенная гребнем горы.
Они не спят и тоскуют друг о друге.

ЯМАБЭ-НО АКАХИТО

К заливу Таго
Я выйду и словно бы вижу:
О, белотканый —
Над высокой вершиной Фудзи
Падает, падает снег.

山邊赤人

白子のい

おとと

これ

白りし乃

如

此

山

富士

山

ЯМАБЭ-НО АКАХИТО (первая половина VIII в.) так же, как и Хитомаро, занимал невысокие придворные должности. Самая ранняя дата, помечающая его стихи в «Манъёсю», — 724 г., самая поздняя — 736 г. Больше ничего не известно о жизни поэта, навеки запечатленного в сознании японской культуры рядом с Хитомаро, — даже легенд. Казалось бы, творчество первого поэта Японии и его младшего современника — несоизмеримы, но суждение традиции безошибочно. Именно в несоизмеримости дело. Выдающийся композиционный дар Хитомаро, чрезвычайно активное его отношение ко всему богатству изобразительных средств, созданных народной поэзией, — качества, сродные эпохе, в которую он работал, эпохе строителей новой культуры. Акахито принадлежал эпохе разветвленного и разнообразного продолжения. У Хитомаро — замах эпического поэта, это чувствуется даже в его танка. Акахито — чистый лирик, и его «длинные песни» в сравнении с грандиозными

трехчастными композициями Хитомаро — с их многослойными эпитетами, сравнениями, сознательным и искусным использованием омонимии, виртуозной звукописью — лучше всего обозначают «божественный» масштаб первого и человеческую соразмерность второго. Там, где один — созидает, другой — изображает, где один — сравнивает свою душевную жизнь с жизнью природы, другой — стремится к слиянию с ней. Речь идет о двух ликах японской поэзии. Хитомаро и Акахито дополняют друг друга.

Данное стихотворение взято из антологии «Синкокинсю», «Песни зимы». Впервые помещено в «Манъёсю» как «каэси-ута» («песня возвращения») к «Песне, сложенной Ямабэ-но Акахито, когда он любовался горой Фудзи». Каэси-ута в сжатом виде возвращает слушателя (читателя) к содержанию «длинной песни». Вот эта песня: «С той самой поры, // Как небо с землей разделились, // Сродни божеству, // Она вознеслась

величаво // Над Суруга-страной, // О
вышняя Фудзи вершина! // Равнина
Небес! // Гляжу я ввысь издалёка. //
Там сокрылся облик // Кругом ходя-
щего солнца, // Невидим свет //
Луны, осияющей землю. // Лишь плы-
вут облака, // Остановиться не смея,
// И, не зная времен, // Падает снег
бесконечно. // Слава твоя // Из уст
в уста передается, // О вышняя Фудзи
вершина!»

В «Синкокинсю» сделан ряд тонких изменений в тексте танка Акахито, переводящих ее из плана непосредственного видения в план внутреннего традицией переживания: так, словно стихотворение было создано на тему пейзажа, изображенного художником.

САРУМАРУ-ДАЮ

В теснинах гор
Сквозь ворох кленовых листьев
Проходит олень.
Я слышу стонущий голос.
До чего тогда осень грустна!

猿丸方丈

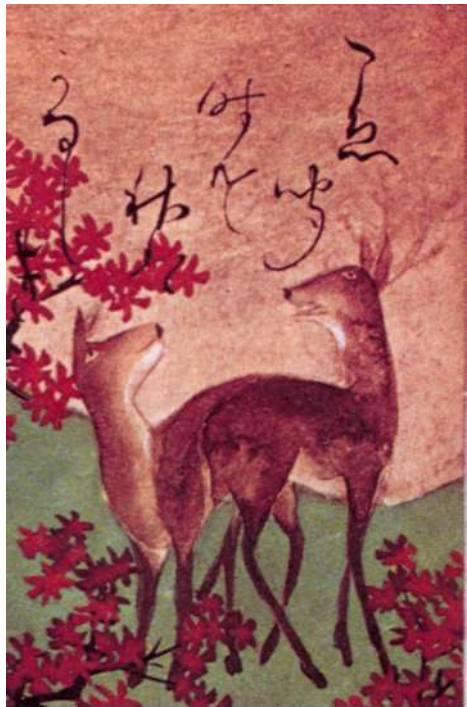
地山
象

少
知

る
し
ま

の

САРУМАРУ-ДАЮ. Это одна из загадок книги. Дело в том, что Сарумару-даю — не имя, а прозвище: бродячий монах с обезьяной (сару — по-японски обезьяна). Сведения о нем сбивчивы и недостоверны. Положение в сборнике, казалось бы, заставляет отнести стихотворение к первой половине VIII в. Но в «Манъёсю» его нет. Да и тема осени как времени года, вызывающего печаль, появляется в более позднюю эпоху. Впервые стихотворение отмечено в записи поэтического состязания 893 г., затем было включено в «Песни осени» ант. «Кокинсю», и в обоих случаях дано как анонимное.

Построено стихотворение как нисходящая вертикаль. Поэт — у подножья гор. Голос оленя раскатами доносится сверху, и поэт может не видеть его, а только представлять, как тот, в брачном поиске лани, пробирается крутой тропой, когда теряется граница между ворохами листвы и еще не облетевшими деревьями.

ОТОМО-НО ЯКАМОТИ

Сороки в небе
Летучий мост навели
Для заветной встречи:
Белый искрится иней.
Так, значит, глубокая ночь?!

中納言家持

かざしきの

渡さる

しに

を

志乃尺

ふ

一三三六

志乃尺

十
り

ОТОМО-НО ЯКАМОТИ (716—785?) — последний великий поэт эпохи «Манъёсю». В антологии 46 его «длинных песен» и 480 танка. Это почти одна десятая часть книги. Но, быть может, не менее важна его решающая роль в составлении «Манъёсю», работа собирателя и кодификатора.

Якамоти принадлежал к древнему и некогда могущественному воинскому роду. Юность его прошла под влиянием отца, Отомо-но Табито, и друга отца, Яманоуэ-но Окура, — замечательных поэтов, достигших вершин культуры своего времени. При чтении стихов Якамоти возникает личность удивительной соразмерности. Если попытаться назвать ключевое для его поэзии слово, то это «саякэси» — чистый, сияюще-ясный. Между тем жизнь поэта вместила в себя все, что может вместить в себя обычная человеческая жизнь. Он жил в столице и на самых глухих окраинах. Он женился на женщине, которую любил, и часто был вынуж-

ден разлучаться с нею. Он занимал высокие посты, но знал опалу и изгнание. Мечтал о военной славе и подолгу исполнял чиновничьи обязанности в провинции. Ревнитель родовой чести, создавший в своих стихах идеальный образ «масурао» — отважного мужа, преданного государю, он был обесчещен посмертно из-за того, что род Отомо подвергся обвинению в измене. Помилование пришло лишь сто лет спустя.

Тема стихотворения «В небе сороки...» связана со знаменитой в странах Дальнего Востока сказкой о двух звездах — Ткачихе и Пастухе (Вега и Алтаир), которые видны по обе стороны Небесной реки (Млечный путь). Вот вкратце один из ее вариантов: небесный государь выбрал для дочери, усердной Ткачихи, мужа, столь же усердного Пастуха, жившего по другую сторону реки. Но молодые так полюбили друг друга, что забыли про свои обязанности. Разгневанный государь послал сороку сказать им, что отныне они могут

встречаться лишь раз в лунный месяц. Но сорока забыла в точности наказ государя и сказала, что их встреча должна быть лишь раз в году, ночью на седьмой день седьмой луны. По одной версии, в эту ночь все сороки слетаются к реке, сцепляются крыльями, и Ткачиха и Пастух встречаются на этом мосту. По другой — Пастух переплывает реку в лодке. Впервые стихотворение Якамоти отмечено в его личном собрании, составленном много позже его смерти, затем включено в «Песни зимы» ант. «Синкокинсю». Построено оно на том, что по-японски слова «мост» и «лестница» звучат одинаково; поэтому если государь — сын Неба, его дворец — Небесный чертог, то лестница, ведущая во дворец, — Сорочий мост. Поэт видит иней на ступенях Сорочьего моста и понимает, что ночь кончается. Сверкающий иней напоминает ему Небесную реку, он поднимает глаза к небу, быть может, звездному. Заветная встреча давно минула, все — в прошлом.

АБЭ-НО НАКАМАРО

Равнина небес!
Далёко я взор простираю.
Как?! Та же луна
В юности моей восходила
В Касуга, над горой Микаса?!

安倍仲麿

天のまろ

片

いさよ

善

なる

み
さ
の

つ

月
出
り

АБЭ-НО НАКАМАРО (698—770) — поэт, литератор, отпрыск знатного рода. Девятнадцати лет был послан на учение в Китай. Служил там при дворе императора Сюаньцзуна, снискал славу талантливого литератора, был хорошо знаком с великими китайскими поэтами Ли Бо и Ван Вэем. Когда в 753 году он вместе с одним из японских посольств собрался возвращаться на родину, друзья устроили ему прощальный пир, где и было сложено это стихотворение. В «Кокинсю» оно помещено среди «Песен странствий». У подножья горы *Микаса* (в местности *Касуга* к востоку от г. *Нара*) был синтоистский храм, где отъезжающие в Китай молились о благополучии в пути и возвращении на родину. Абэ-но Накамаро не удалось вернуться. Корабль, на котором он отплыл в Японию, прибило бурей к далеким берегам, большая часть спутников погибла. Он с трудом вернулся снова в Китай, где и умер.

КИСЭН-ХОСИ

Мой шалаш в глуши,
Там, где бродят олени.
Вот так я живу.
А люди в столице думают:
Удзияма — вершина горестей.

喜撰法師

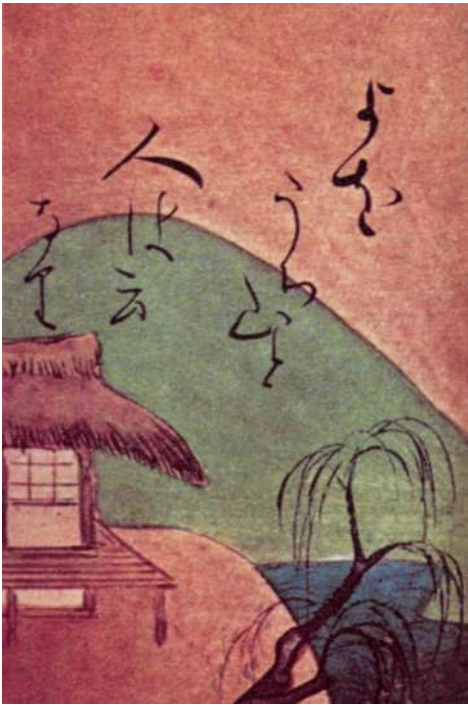
のふみかた

のうき

あそ

らそ

よき

うら

人は

ち

КИСЭН-ХОСИ (нач. IX в.). В предисловии к «Кокинсю» он назван в числе шести знаменитых поэтов недавних времен («шестеро бессмертных»). Между тем это стихотворение — единственное, принадлежащее Кисэну в антологии («Разные песни», книга вторая), и о нем самом почти ничего не известно. Вероятно, он был монахом (хоси) буддийской эзотерической секты Сингон («Истинного слова») и некоторое время жил в горной местности Удзи недалеко от Хэйана (Киото). Одна из гор там издавна именуется Кисэн-га-такэ — вершиной Кисэна. Стихотворение, в котором утверждается достоинство созерцательной жизни в горах, среди лесной чащи, построено на весьма сложной игре слов, особо существенно — одинаковое звучание слов: «почитать этот мир горестным» и «жить в горах Удзи».

ОНО-НО КОМАТИ

Распустился впустую,
Минул вишенный цвет.
О, век мой недолгий!
Век не смежая, гляжу
Взглядом долгим, как дождь.

小野小町

たねの巻

うら

こ

秋の風

あらし

あ

あ

あ

あ

ОНО-НО КОМАТИ (сер. IX в.) — одна из «шести бессмертных». Ее имя и род неизвестны. Вероятно, она была дочерью какого-нибудь уездного начальника, взятой ко двору за красоту. В предисловии к «Кокинсю» о ней говорится: «Она полна прелести, но лишена силы. Ее стихи, словно знатная дама, клонимая недугом». Время переменяло здесь акценты: есть у Комати стихи, созданные в том ясном стиле смысловой завершенности, который Цураюки утверждал в «Кокинсю», но есть — намного опередившие свою эпоху, отмеченные, по выражению Тэйка, высшей красотой (ёэн), соединившие изящную простоту народной лирики с новой глубиной, побуждающей читателя к сотворчеству. Так, данное стихотворение, хотя и помещенное в «Кокинсю», долго пребывало в тени. Его отметил и оценил именно Тэйка. Образ Комати живет в народной легенде, литературном предании, нравоучительной буддистской книге: красавица-поэтесса — безобразная нищенка в старости — героиня пьес театра Но.

СЭМИМАРУ

Так вот ее норы?!

Ты уедешь или вернешься —

Это место разлуки.

Все — знакомые и незнакомцы —

Не минуют Заставы Встреч!

禪丸

其わいめ

ゆい

つら

と

ら
れ

ては

知

い

あ

あ
坂

の

あ

СЭМИМАРУ. Ничего достоверного о нем не известно. Легенда изображает его стариком, нищим слепым скитальцем, искусным мастером игры на бива — четырехструнном музыкальном инструменте. Однажды Сэмимару поставил свой шалаш вблизи Аусака-но сэки — *Заставы Встреч*. Эта горная застава — первая, которую минуют путники, отправляясь в трудную дорогу из столицы на восток Хонсю (быть может, в ссылку), и — последняя на пути к долгожданной столице. Данное стихотворение взято из ант. «Госэнсю» («Разные песни», книга первая).

САНГИ ТАКАМУРА

Равниной моря
В край Осьмидесяти островов
Мы уплываем.
Близким моим передай
Эту весть, о лодка рыбачья!

冬議筮

初四のころ

八十路

けり

こゝろいぬり

САНГИ ТАКАМУРА (советник Такамура, Оно-но Такамура, 802-852) — поэт, писавший и по-японски, и по-китайски, знаток китайской литературы, искусный каллиграф. Его предок, Оно-но Имоко, возглавил некогда первое японское посольство в Китай. Знатный вельможа, Оно-но Такамура дружил с государем, но однажды вызвал его гнев тем, что не пожелал отправиться в составе посольства в Китай, сказавшись больным. За это он был отправлен в ссылку в *край Осьмидесяти островов*, на остров Оки (ныне входит в преф. Симанэ), близ тихоокеанского берега Хонсю. Оттуда он вернулся лишь через семь лет. Данное стихотворение взято из ант. «Кокинсю» («Песни странствий»).

СОДЗЁ ХЭНДЗЁ

О ветр в небесах,
Слети, заслони от взора
Облачную стезю!
Да продлится еще на миг
Неземных плясуний искусство!

僧正遍服

三時に身を
すくすく

のこす

名
心
花

よ

井ノ原の

いづれ

井ノ原

いづれ

いづれ

СОДЗЁ ХЭНДЗЁ (816—890) —

монашеское имя Ёсиминэ-но Мунэса-да, вельможа царского рода. Один из «шести бессмертных». Был любимцем государя Ниммё, занимал при нем важные посты. По смерти сюзерена принял постриг. В литературном предании это блестящий светский любезник, чувствительный и остроумный. Знаменитая новелла из книги «Ямато моногатари» (середина X в.) повествует о его романтической связи с Оно-но Комати, приводит их стихотворный диалог (см. «Ямато моногатари» / Пер., послесл. и коммент. Л. М. Ермаковой. М., 1982).

Данное стихотворение взято из ант. «Кокинсю» («Разные песни», первая книга), где у него есть заголовок: «Сложил стихи, любуясь танцовщицами госэти». Со словом «госэти» (пять напевов или пять взмахов рукавом) связана легенда: однажды, когда государь Тэмму (VII в.) играл на кото (тринадцатиструнной цитре), к нему спустились с неба танцующие феи и пять раз взмахнули рукавами. Так

родился танец госэти. Затем так стало называться и одно из самых торжественных празднеств — «Встреча нового урожая», которое проводилось во дворце в течение четырех дней второго десятидневья одиннадцатой луны года. Во всех церемониях участвовали пять прекрасных девушек знатнейших семейств. На четвертый день (благовещий день «дракона») после главного события празднества — Вкушения государем зерен нового урожая — наступала кульминация — танец госэти. Танцовщицы были одеты в пурпурные очень широкие шаровары, длинные свободные платья из прозрачного шелка, надетые одно на другое, так что виднелись разноцветные подола и концы рукавов каждого платья. Сверху на них были легкие куртки цвета индиго, к поясу крепился шлейф, волочившийся по полу, синий с белым накрапом. Такого же цвета были и длинные концы опояски, к правому плечу прикреплялись две ленты лилового цвета, разрисованные белыми

бабочками и птицами. В руках у танцовщиц были темно-синие веера. Развевающиеся одежды, порхающие ленты, взмахи веера и в особенности просторных цельнокроеных рукавов создавали ощущение полета. Следует добавить, что *облачная стезя* никак не метафора; люди того времени верили, что в облаках или в весеннем тумане пролегают вполне определенные пути, по которым летают птицы и небожители.

ЁДЗЭЙ-ИН

От высот Цукуба
Сбегает Минаногава —
Река «Не гляди!».
Любовь, истомленная жаждой,
В ней бездонный вырыла омут.

陽成院

はくろの

の

きり

さる

の心

山

山

舟

波

舟

波

ЁДЗЭЙ-ИН (государь-инок Ёдзэй, 868—949) — пятьдесят седьмой государь Японии.

Данное стихотворение (единственное, дошедшее до нас) помещено в ант. «Госэнсю» («Песни любви», книга третья) под заголовком: «Посылаю принцессе Цуридоно». Дочь Коко-тэнно (15), будущая жена Ёдзэй-ин, жила в павильоне для ужения рыбы (отсюда прозвище — Цуридоно), над искусственным ручьем или прудом в саду дворцового ансамбля.

Цукуба (совр. преф. Ибараки) — высокая гора; в древности — место обрядовых игр, связанных с аграрной магией. «Гора Цукуба» — постоянный зачин в народной поэзии любовного цикла. От двух ее вершин (западная почиталась мужским божеством, восточная — женским) сбегали два потока, соединяясь в реку Минаногава. Ее название часто изображается иероглифами «мужчина» и «женщина». Но слово «мина» означает еще и «вода», и «не гляди».

КАВАРА-НО САДАЙДЗИН

«Синобу» — тайная грусть,
Узор из страны Митиноку,
Кто спутал нити твои?
Смутил кто сердце тревогой?
Ведь невиновен я...

河原左太夫

みづのくろ乃

あま

とら
す

ほろへ

久野

久野

久野

КАВАРА-НО САДАЙДЗИН (822—895) — прозвание Минамото-но Тору, вельможи царского рода, означающее: левый министр из Кавара. В столичном районе Кавара на берегу реки Камо он возвел дворцовый ансамбль с садом, где был воспроизведен в миниатюре один из красивейших видов Японии — побережье бухты Сиогама в *Митиноку* (восток о. Хонсю, преф. Мияги). С Митиноку связано и стихотворение, помещенное здесь. Смысл его строится на том, что у слова «синобу» два значения: тоска, тайная грусть и — название узора ткани, которым с древних времен славилось селение Синобу. На гладкую поверхность камня, устланного травами и цветами, накладывался холст, и по нему сильно проводили другим гладким камнем. Получался весьма прихотливый узор. Данное стих. взято из ант. «Кокинсю» («Песни любви», книга четвертая).

КОКО-ТЭННО

В поле весеннем
Молодые травы собираю
Тебе в подношение.
А на рукава неустанно
Падает-сыплется снег.

いし
生とつる

のゆき

ふみたる喜

光孝天皇

КОКО-ТЭННО (830—887) — пятьдесят восьмой государь Японии. Был возведен на престол волей Фудзивара-но Мотоцунэ в весьма позднем возрасте: пятидесяти пяти лет. Согласно «Кокинсю» («Песни весны», книга первая) стихотворение написано им еще в бытность принцем и обращено к Мотоцунэ. В контексте «Изборника» с легкостью принимает окраску любовной темы. *Молодые травы* — семь укрепляющих здоровье весенних растений (омежник, пастушья сумка, сушеница, мокричник, глухая крапива, репа и редька), которые, по народному обычаю, собирали в седьмой день первой луны года и отваривали с рисом. Обильный снег, выпадавший ранней весной, считался счастливым знамением.

ТЮНАГОН ЮКИХИРА

Пусть разлука близка,
Я в страну Инаба отбываю,
Но и в иной стороне
Расслышу в голосе сосен:
«Жду», и я тотчас приеду.

申納しりほ

左弓矢

つる

のよ

しり

つる

南

と

大
人

六
十

七
十

ТЮНАГОН ЮКИХИРА (Аривара-но Юкихира, 818-893) — вельможа царского рода, старший брат Аривара-но Нарихира [17], талантливый поэт. Провел несколько лет в ссылке в Сума (местность и залив близ совр. г. Кобэ). Там он сложил стихотворение: «Когда бы случайно // Спросили тебя обо мне, // Ответ: неустанно // Льется на травы морские // Соленая влага Сума». Этот эпизод лег в основу народной легенды, а затем пьесы театра Но — «Мацукадзэ» («Ветер в соснах»; см. рус. пер. в кн.: Конрад Н. И. Японская литература в образцах и очерках. Л., 1927). В пьесе звучит также и стихотворение «Пусть разлука близка...» («Кокинсю», «Песни разлуки»). Оно построено на сложной игре слов, в частности на том, что слова «ждать» и «сосна» по-японски звучат одинаково.

**АРИВАРА-НО
НАРИХИРА-НО АСОН**

Век могучих богов
Не слышал о подобном деянье.
О река Тацута,
Кто волны твои испещрил,
Синеву с багрянцем мешая?!

在原業平

朝儿

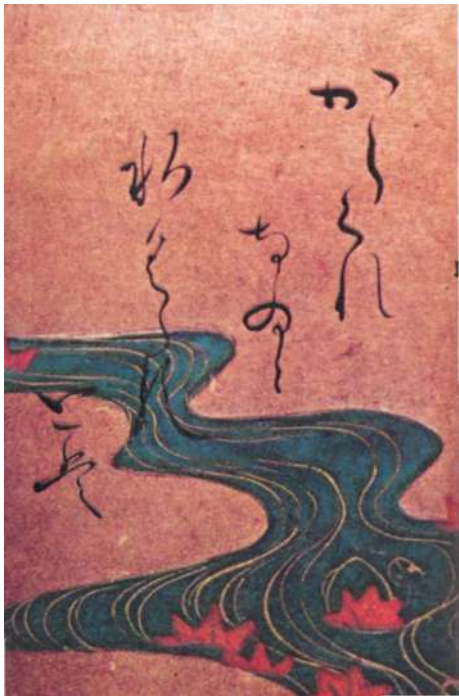
子子振

冰代也

あつた

流田川

か
し

の

水

の

АРИВАРА-НО НАРИХИРА-АСОН (825-880) — один из «шести бессмертных» и бесспорно первый поэт эпохи «Кокинсю». Некоторые его стихи открыли целые направления в тематическом каноне.

Не менее существенен и сам образ поэта, каким он видится в предании (возникшем еще при его жизни) — идеального вельможи, благородного в любви, глубоко чувствующего красоту. Такой Нарихира — главный герой лирической повести начала X в. «Исэ моногатари». Стихотворение впервые помещено в «Кокинсю» («Песни осени», книга вторая) под заголовком: «Когда в Весеннем дворце государыни Нидзё слагали стихи на тему картины на ширме: алые листья, плывущие по реке Тацута». Оно построено на одном термине текстильного дела. По-японски это глагол, означающий: зашить ткань во многих местах узлами, чтобы при погружении в краску они остались незакрашенными.

**ФУДЗИВАРА-НО
ТОСИЮКИ-НО АСОН**

На берег Суминоэ
Набегают частые волны.
Верно, ты осторожен:
Даже ночью людей избегаешь
На путях моих сновидений?

藤原敏行頼

上人の

江

乃きしじい

うらふみ

とてし

ゆき乃

かき

河

人
ゆき乃
かき

ФУДЗИВАРА-НО ТОСИЮКИ-АСОН (ум. 901?) — представитель могущественного рода (асон — почетное звание вельможи). Занимал важные должности в провинции и при дворе. Известный поэт. Прославленный мастер каллиграфии.

Данное стихотворение взято из ант. «Кокинсю» («Песни любви», книга вторая). Суминоэ — живописное морское побережье в провинции Сэтцу (в районе совр. Осака), прославленное в народной и литературной любовной поэзии.

ИСЭ

Что зазора короче
Меж коленцами тростника
В Нанива на мелководье?
Так ты велишь мне: живи,
Ни на миг с тобой
не встречаясь?!

伊勢

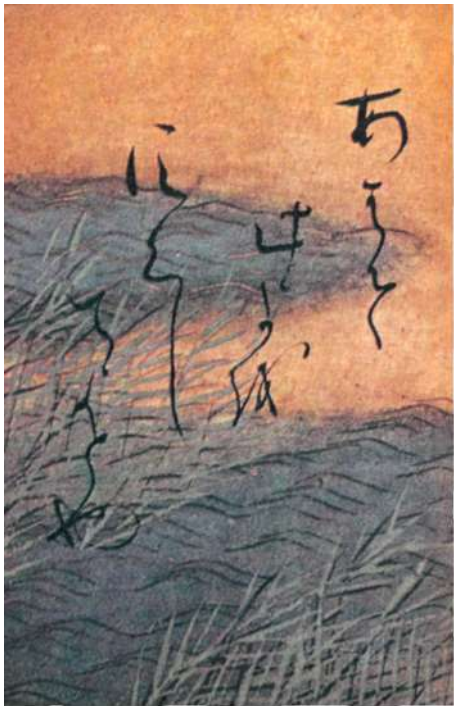
歌

文

の

乃

あ

い

う

え

お

か

ИСЭ (ум. 939?). — Настоящее имя поэтессы неизвестно. Ее отец (родом Фудзивара) занимал одно время должность губернатора провинции Исэ: отсюда прозвище. Замечательная красота и поэтический дар доставили ей видное положение при дворе. Но судьбу ее нельзя назвать легкой. Горестные подчас повороты прочертили в ней поистине романтический сюжет, словно став одним из предвестий знаменитой повести Мурасаки-сикибу (57). Последнее подтверждается и в чрезвычайно выразительной прозе, поясняющей стихи в ее «Личном собрании». Поэзия Исэ сдержанна, изящна, ее виртуозность никогда не холодна: «Весной каждый раз // Бегущий ручей мне казался // Веткой сливы в цвету, // Но струи разломить не в силах, // Я тщетно рукав увлажняю!» Стихотворение «Что зазора короче...» взято из ант. «Синкокинсю» («Песни любви», книга первая). *Нанива* — прославленное красотой побережье в районе совр. Осака.

МОТОЁСИ-НО СИННО

Мне все едино теперь!
Я — словно бы в Нанива-море
Спасительный знак.
Пускай я в волнах погибну,
Но раньше встречусь с тобою!

元良親王

佳ゆき

は

くも
同

ち
は

あ

は

い

う

え

お

か

き

く

МОТОЁСИ-НО СИННО (890—943) — старший сын государя Ёдзэй-ин [13]. Известен многочисленными любовными приключениями. Существует его «Личное собрание», целиком состоящее из любовной переписки в стихах. Поэзия Мотоёси изящна, но вполне традиционна.

Данное стихотворение, впервые отмеченное Фудзивара-но Тосинари, помещено в ант. «Госэнсю» («Песни любви», книга пятая) с предисловием: «Послал государыне Кёгоку, когда все открылось», т. е. когда обнаружилась его связь с одной из жен государя Уда. Образный ход стихотворения основан на одинаковом звучании слов «морская вежа для указания фарватера» и «отдать свою жизнь».

СОСЭЙ-ХОСИ

Ты сказала: «Приду»,
И с тех пор все долгие ночи
На исходе Долгой луны
Я ждал... Луна восходила
И гостила до белого света.

素性法師

二二二二二

二二二二二

二二二二二

二二二二二

Handwritten Japanese calligraphy in cursive style (sōsho). The text is arranged in three vertical columns, reading from right to left. The characters are: 下 (shimo), 二 (ni), 子 (ko), 女 (nyū), の (no), 秋 (aki), 月 (tsuki), の (no), あ (a), ん (n), と (to).

СОСЭЙ-ХОСИ (даты жизни неизвестны) — старший сын Содзё Хэндзё [12]. Данное стихотворение взято из ант. «Кокинсю» («Песни любви», книга четвертая). *Долгая луна* — название девятого месяца года, когда очень долгие ночи, а луна в последнем десятидневье восходит почти перед рассветом. Таким образом, луна — единственная гостья и свидетель тщетного ожидания возлюбленной. Стихотворение Сосэй-хоси — реплика на стихотворенье Содзё-Хэндзё: «Ты сказала: «Приду». // Но с того рассветного часа, // Как разлучились мы, // Долгим думам моим дотемна // Цикада вторит печально».

БУНЪЯ-НО ЯСУХИДЭ

Она налетит,
И никнут осенние травы,
Сгибаются деревья.
Воистину, горы и ветер,
Съединяясь, рождают бурю.

文尾康秀

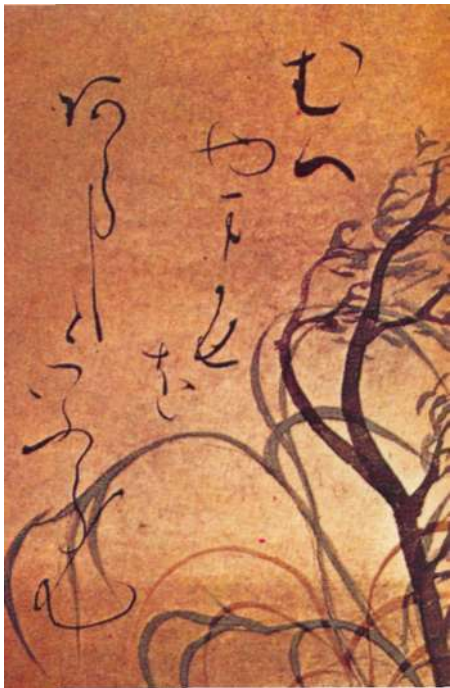
所
以

休
心

孝
本
心

し
や
ら
ぬ

БУНЬЯ-НО ЯСУХИДЭ (ум. в конце IX в.) — один из «шести бессмертных». Принадлежал к старинному роду. О жизни его мало что известно. Согласно преданию, он был влюблен в Оно-но Комати. В антологии «Кокинсю» помещена ее танка с предисловием: «Когда Ясухидэ назначен был в Микава, он написал мне: «Не хотите ли взглянуть на земли, коими я буду управлять?» Я отвечала: «Оборваны корни // Плавучей, плавающей травы. // Так и я бесприютна! // С легкой душой поплыву по течению, // Лишь только услышу: «Плыви!»

Данное стихотворение взято из «Кокинсю» («Песни осени», книга вторая). В нем образно рассказывается о том, как построен китайский иероглиф «буря»: его верхняя часть означает горы, а нижняя — ветер.

ОЭ-НО ТИСАТО

Гляжу на луну,
И смутных тысяча тысяч
В душе печалей.
Пусть не ко мне одному
Осень явилась, и все же...

大江千里

月三

ふし

の

あちけ

方寸心乃

自志

待至

了了

ОЭ-НО ТИСАТО (ум. в начале X в.) — принадлежал к старинному роду ученых и литераторов. Сочетал в своих стихах традиции японской и китайской поэзии. Им создана книга танка на темы отдельных строк великого китайского поэта Бо Цзюйи. Вот и в данном стихотворении («Кокинсю», «Песни осени», книга вторая) — характерное для китайской поэзии образное сопоставление чисел («тысяча тысяч» — «одному»); вторая его часть навеяна строкой из стихов Бо Цзюйи. Согласно легенде, когда правитель Японии, самурайский вождь Минамото-но Ёритомо (1149—1199) попросил Сайгё (как потомственного воина) изъяснить ему секреты искусства войны, тот прочел в ответ стихотворение Оэ-но Тисато. Хотел ли Сайгё сказать что всякое искусство требует полной ему отдачи, намекал ли на тщетность ратного успеха в мимолетном земном мире? Вернее всего, он, почитавший войну великим грехом, противопоставил мирную суть «песни Ямато» жестокому делу Ёритомо.

КАНКЭ

Торопясь в дорогу,
Мы даров собрать не успели,
О гора Приношений!
Но утешься: на склонах твоих —
Облетающих кленов парча.

菅家

つとむ

つとむ

つとむ

つとむ

КАНКЭ (японизированное звучание иероглифов «дом Суга») — почетное прозвище Сугавара-но Митидзанэ (845—903). Ключевая фигура в том мощном интеллектуальном движении, которое завершило в конце IX—начале X века органическое усвоение японцами континентальной культуры. Поэт, писавший стихи по-японски и по-китайски, переводчик японской поэзии на китайский язык, автор трудов по истории Японии и проницательный политик, Сугавара-но Митидзанэ — в расцвете сил, на вершине служебной деятельности — оказался жертвой происков Фудзивара. В 901 году он был сослан на Кюсю, где и умер. Но невзгоды открыли для поэзии нового Митидзанэ. Прославлены его стихи, сложенные перед отъездом в ссылку: «Пролей аромат, // Лишь ветер с востока повеет, // Слива в саду! // Пускай твой хозяин далёко, // Не забывай весны!» (Пер. В. Марковой). Интонации, обретенные им в изгнании, намного опередили свое время: «В до-

лине глубокой, // Оттого что сиянье
весны // Сюда запоздало, // Еще
спеленуты снегом // Соловьиные го-
лоса». — «У края дороги // Ветхая
ива стоит. // С приходом весны, // О,
и она о минувшем // Воспомнит с
грустью невольной!»

В старину верили, будто мучимый
обидой дух умершего способен вре-
дить поколениям живых. Уже вскоре
после смерти духу Митидзанэ стали
посвящать возводимые храмы. Его
культ существовал повсеместно
вплоть до XX в. Судьба Митидзанэ
отразилась в легендах и преданиях,
репертуаре городских рассказчиков,
драме Но и Кабуки, она веками вол-
новала поэтов и художников. 1219 го-
дом датируются восемь больших
свитков «Легенды храма Китано
Тэндзин» (этот киотский храм был
особо чтим в культе Митидзанэ).
Считается, что они принадлежат ки-
сти Фудзивара-но Нобудзанэ, тому
самому, который был, вероятно, и
первым иллюстратором «Ста стихо-
творений ста поэтов».

Данное стихотворение взято из ант. «Кокинсю» («Песни странствий»). Согласно предисловию, оно было сложено, когда Митидзанэ сопровождал государя Уда (867—931, правил 887—897) в путешествии в г. Нара. Они проезжали мимо горы *Приношений* (Тамукэ), где, по обычаю, полагалось приносить нуса — жертвы божеству — покровителю путников. Нуса представляли собой в то время полоски ткани или бумаги. В японских верованиях божество горы и сама гора отождествлялись.

Таким образом, то, что Тэйка поместил данное стихотворение в своем изборнике, вероятно, не только дань уважения поэтическому искусству Митидзанэ, но и жертвенный дар его духу.

**САНДЗЁ-НО
УДАЙДЗИН**

Не зря прозвали ее
Люди вершиной Свиданий:
Там плющ «Вместе уснем».
Держись его, он укажет
Путь ко мне потаенный.

三條右大臣

あまのりつ

あまのりつ

あまのりつ

人
命
不
可
及
也
と
い
ふ
は
な
ら
ず
と
い
ふ
は
な
ら
ず

САНДЗЁ-НО УДАЙДЗИН (министр Правой руки, т. е. второй министр, чей дворец — на третьем проспекте столичного града) — почетное прозвище вельможи Фудзивара-но Садаката (870?—932?). Как поэт малоизвестен.

Данное стихотворение взято из ант. «Госэнсю», («Песни любви», книга третья). Сюжет стихотворения связан с переосмысленной в эстетическом плане древней верой японцев в силу «духа слова» (котадама). *Вершина Свиданий* (гора Встреч, Аусакаяма) находится на границе провинций Ямасиро и Оми (совр. преф. Киото и Сига).

ТЭЙСИНКО

О красные клены
На высотах горы Огура,
Когда есть у вас сердце,
Дождитесь еще одного,
Высочайшего посещения.

竹寺

南

海山

之乃

ТЭЙСИНКО («муж чистый и искренний») — посмертное имя канцлера Фудзивара-но Тадахира (880—949). Данное стихотворение взято из ант. «Сюисю» («Разные песни»). Согласно предисловию к нему, Тадахира сопровождал государя-инока Тэйдзи-ин (бывшего государя Уда), когда тот отправился к реке Оигава полюбоваться осенними кленами на горе *Огура*. Оно было сложено после этой поездки и поднесено царствующему государю Дайго (885—930, правил с 897). Для понимания круга ассоциаций, связанных с этим стихотворением, важно знать, что и Уда и Дайго пытались ослабить могущество Фудзивара, для чего и выдвигали на высокие посты Сугавара-но Митидзанэ [24]. Что до Тадахира, то именно он окончательно укрепил ведущее положение своего семейства при дворе и в стране.

ТЮНАГОН КАНЭСУКЭ

Равнина Кувшинов.
Из недр вскипая потоком
Ключ-река убегает.
Лишь на миг я ее увидел —
Что ж тоска меня источила?

中納言 笛 輔

みのの

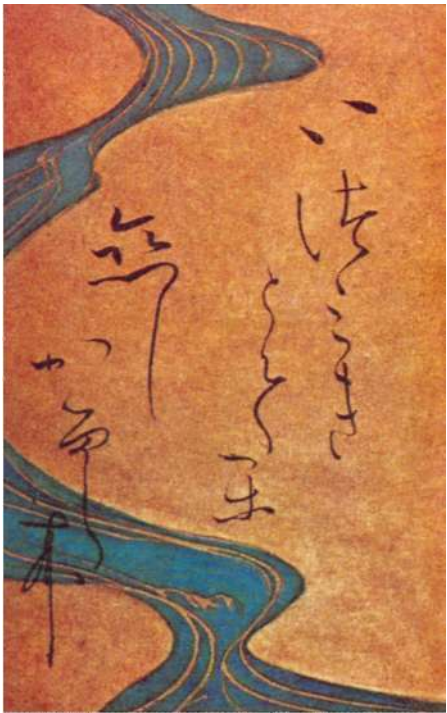
ての

ての

ての

泉の

ТЮНАГОН КАНЭСУКЭ (Фудзивара-но Канэсукэ, 877—933) покровительствовал созданному по указу Дайго комитету составителей ант. «Кокинсю». Известный поэт. Сохранилось собрание его стихотворений.

Данное стихотворение взято из ант. «Синкокинсю» («Песни любви», книга первая). *Равнина Кувшинов* (Мика-га хара, Мика — кувшин для вина), *Ключ-река* (Идзумигава, ныне Кидзугава) находятся на территории современной преф. Киото. По духу стихотворение близко народной песне. Основано на непере译имой игре слов.

**МИНАМОТО-НО
МУНЭЮКИ-НО АСОН**

В зимнюю пору
Здесь, в деревушке горной,
Еще безотрадной,
Как подумаю, что замерло все:
И шаги людские, и травы.

源宗平朝臣

山内は

冬月

宗平

宗平

人
の
こ
ろ
を
も

か
ら
あ
ら
わ
る

男
人

МИНАМОТО-НО МУНЭЮКИ-НО АСОН (ум. 939) — вельможа царского рода. Известный поэт. Ряд рассказов о нем донесла до нас «Ямато моногатари» (см. 12). Сохранилось собрание его стихотворений.

Данное стихотворение взято из ант. «Кокинсю» («Песни зимы»).

ОСИКОТИ-НО МИЦУНЭ

Пушусь наугад!
Будет удача, не будет...
Первый иней лег,
И брожу я, замороженный,
Там, где белые хризантемы.

河内野原

心あき

地あめ

かしん神

との

一
世
一

一
世
一

一
世
一

の
な

ОСИКОТИ-НО МИЦУНЭ (даты жизни неизвестны) — один из лучших поэтов эпохи «Кокинсю». Человек незнатный и нечиновный, он был императорским указом назначен в комитет по составлению этой антологии. До нас дошло более двухсот его танка в разных антологиях, а также собрание стихотворений. Среди десяти его танка, помещенных в «Синкокинсю» по предложению Фудзивара-но Тэйка и Фудзивара-но Иэтака (98), была включена и следующая: «Никак не могу // Я ныне уснуть бестревожно! // Весенняя ночь. // И все тот же снится мне сон: // Вишен цветы облетают».

Данное стихотворение взято из ант. «Кокинсю» («Песни осени», книга вторая).

МИБУ-НО ТАДАМИНЭ

Сияла луна,
Словно не замечая рассвета,
Когда мы разлучались.
С тех пор предутренний сумрак —
Печальнейший час для меня.

壬生忠岑

三つ目の道

ちかみし

し

し

あ

ら

ろ

り
ま

ん
と
の
ち

ち

МИБУ-НО ТАДАМИНЭ (ум. в нач. 20-х гг. X в. глубоким старцем) — замечательный поэт, один из составителей «Кокинсю». Стихи его неизменно высоко ценились знатоками поэзии. Так, Фудзивара-но Кинто [55] поставил одну из его танка на «высшую ступень высшей категории», как «совершенную в словах и дающую сердцу простор по прочтении»: «Весна настала! // Мне довольно одних только слов, // И я, кажется, вижу: // В это утро горы Миёсино // Тронула первая дымка».

Данное стихотворение взято из ант. «Кокинсю» («Песни любви», книга третья). Когда Готоба-ин попросил Тэйка и Иэтака назвать лучшие стихи в «Кокинсю», оба назвали первым именно это.

**САКАНОЭ-НО
КОРЭНАРИ**

Едва рассвело,
Мне почудилось даже,
Что восходит луна.
Все селение Ёсино
Белым застлано снегом.

極上是則

竹やけ

えのの

月と

ハジメに

か
の

か

か

か

САКАНОЭ-НО КОРЭНАРИ (ум. в 20-х гг. X в.) — известный поэт. Данное стихотворение взято из антологии «Кокинсю» («Песни зимы»). Селение Ёсино расположено в прославленных красотой горах Ёсино (на юге совр. преф. Нара).

ХАРУМИТИ-НО ЦУРАКИ

Сколько плотин
Ветер на реках построил
В теснинах гор.
Это кленовые листья
Воде бежать не дают.

春道列樹

心川

を

の

汗

を

志

し

を

おれ七

あゝぬ

えら

ちやい

しあ

ХАРУМИТИ-НО ЦУРАКИ (ум. после 910) — профессор китайской словесности в японской Высшей школе наук, затем губернатор одной из провинций. Как поэт малоизвестен.

Данное стихотворение взято из ант. «Кокинсю» («Песни осени», книга вторая).

КИ-НО ТОМОНОРИ

Вешним днем,
Когда безмятежно лучится
Извечный свет,
Вишни в сердечной тревоге
Свои лепестки роняют.

紀友男

久方のヨメ

此のけま

げら

乃の

あはれ
かき

あはれ

の

ら
あ
あ
あ

КИ-НО ТОМОНОРИ (ум. 905?) — известный поэт. Участвовал в составлении «Кокинсю», но не дожид до завершения этой работы.

Данное стихотворение взято из ант. «Кокинсю» («Песни весны», книга вторая). См. прим. 29. У истоков его канонической темы — знаменитая танка Аривара-но Нарихира:

О если б на свете
Вовек не бывало вас,
Цветущие вишни!
Наверно, тогда бы весной
Утишилось сердце мое.

(Перевод Веры Марковой)

**ФУДЗИВАРА-НО
ОКИКАДЗЭ**

Кому же отныне
Сердце открою свое?
Сосне в Такасаго?
Но разве как с другом старинным
Я вправе с ней говорить?

菅原真凡

修志

志人

いに

世に
る
所

の

安
し

し

友
る

た
り

ФУДЗИВАРА-НО ОКИКАДЗЭ (ум. в нач. X в.) — известный поэт. Данное стихотворение взято из ант. «Кокинсю» («Разные песни», книга первая). *Сосна в Такасаго*. — Еще в нашем столетии на берегу океана, на юге преф. Хёго, росла сосна с двумя стволами (красным и черным), которая во времена Окикадзэ уже считалась весьма древней.

КИ-НО ЦУРАЮКИ

Ну, что я отвечу?
Кто сердце поймет человека?
Только слива в цвету
В селенье, по-прежнему милом,
Знакомый льет аромат!

КИ-НО ЦУРАЮКИ (ок. 868—945 или 946) — поэт, прозаик, филолог. Выходец из старинного рода, он принадлежал к тому поколению литераторов и ученых, которые обосновывали и утверждали национальное начало в культуре Японии. В деятельности Цураюки это движение обрело свое классическое завершение. В 905 г. по указу государя Дайго он возглавил комитет выдающихся поэтов своего времени, составивших антологию «Кокинсю». В предисловии к ней Цураюки — во всеоружии китайской образованности — впервые осмыслил и в простых, лишенных какой-либо «учености» выражениях изложил происхождение и сущность японской поэзии, ее значение в жизни японцев, определил Тематический канон, связь древней поэзии, запечатленной в «Манъёсю», с поэзией последующего времени и т. д. Также впервые он написал свое предисловие не на китайском, признанном языке культуры, а на родном языке. Весь образный строй предисловия, которое само по

себе — шедевр японской прозы, утверждал органичность существования национальной поэзии: «Песни Ямато суть тысячи тысяч листьев-слов, возрастающих из единого семени — человеческого сердца». Подобно тому, что танка — открытая форма, предисловие Цураюки — таинственно-открытый текст, «угадавший» многовековые пути поэзии и поэтики. Между прочим, вся деятельность Фудзивара-но Тэйка — теоретика представляет собой то явный, то скрытый спор с автором предисловия к «Кокинсю». Если бы Цураюки не создал больше ничего, он и тогда бы остался в истории японской культуры. Но он был родоначальником жанра литературного дневника («Тоса никки» — «Дневник путешествия из Тоса в столицу», 936?), сильным, своеобразным поэтом. Он был мастером экспромта, но это качество для японского поэта скорее обычное, гораздо существенней то, что, согласно абсолютно достоверному свидетельству, он мог

трудиться над стихотворением и десять и двадцать дней. А стихи Цураюки, выбранные составителем «Синкокинсю», открывают нам поэта подчас с неожиданной стороны: «Ведь это мой дом, // И мне они принадлежат, // Вишен цветы. // Но вот облетают, и я // Их не в силах остановить!»

Стихотворение «За хозяина не поручусь...» помещено в «Кокинсю» («Песни весны», книга первая) с предисловием: «Каждый раз, когда совершал я паломничество в храм Хацуюэ, я находил приют в этом доме, и вот теперь, долгое время спустя, снова пришел сюда, и хозяин передал мне через слугу: «Приют ваш в точности таков, как прежде». Я отломил ветку сливы, посаженной некогда в саду возле дома, и приложил ее к стихам».

**КИЇВАРА-НО
ФУКАЯБУ**

Летняя ночь.
Еще глубокая тьма,
Но уже светлеет.
За этой тучкой, за той
Укрыться теперь луне?

清原深養父

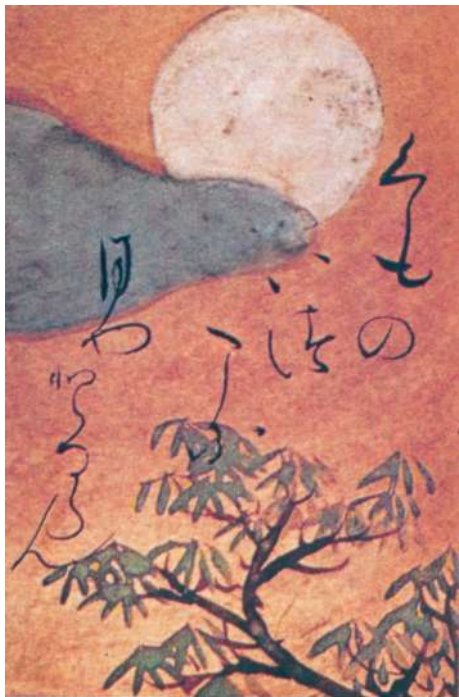
夜のうき

りふ

有りなり

あけあけ

月
の
影
を
照
ら
す
る
光
の
影
を
照
ら
す
る

КИЁВАРА-НО ФУКАЯБУ (ум. после 923) — принадлежал к старинному роду, из которого традиционно выходили ученые и поэты. Известный поэт. Прадед Сэй-сёнагон.

Данное стихотворение взято из ант. «Кокинсю» («Песни лета»).

БУНЪЯ-НО АСАЯСУ

Осенний ветер
Капли белой росы разметал
По всему полю.
Так летят врассыпную
Неснизанные жемчуга.

文龍朝康

乙未年

女

のり

右

БУНЪЯ-НО АСАЯСУ (нач. X в.) — сын Бунъя-но Ясухидэ. Сохранилось всего три его стихотворения. Данное стихотворение взято из ант. «Госэнсю» («Песни осени», книга вторая).

УКОН

Совсем позабыта,
Тревожусь я не о себе,
Я любить поклялась,
Но сердце жалость стесняет:
Бедный! Что станется с ним?!

右近

ついで

乃心

地

守

らるる

人

乃
心
乃

乃

井
乃
乃

乃

乃

УКОН (первая пол. X в.) — придворная дама, дочь Фудзивара-но Суэнава, имевшего звание укон-но сёсё (младший начальник Гвардии правой руки), отсюда ее прозвище. Героиня нескольких рассказов «Ямато моногатари».

Данное стихотворение взято из ант. «Сюисю» («Песни любви», книга четвертая). *Бедный! Что станется с ним?!* — Он изменил обету любви, принесенному богам и буддам, и за это, по древнему поверью, его ждет кара; может быть, даже нечаянная смерть.

САНГИ ХИТОСИ

В поле асадзи —
Мелкий в поле бамбук.
Как я ни таился,
Переполнилось сердце. Зачем
Я так сильно ее люблю?!

参議等

あきらま

のむら

清原

あきらま

いづれ

なま

人の
あはれ
は

САНГИ ХИТОСИ (Минамото-но Хитоси, первая пол. X в.) — вельможа царского рода. Как поэт малоизвестен.

Данное стихотворение взято из ант. «Госэнсю» («Песни любви», книга первая). Первые две строки — фольклорный зачин. *Поле асаdzi* — поле, покрытое кустами низкорослого аланг-аланга; там и сям «таятся» тонкие стебли мелкого бамбука. Японское название этого бамбука «сино» словно бы вызывает в третьей строке глагол «синобу» (скрывать свои чувства, таиться).

ТАЙРА-НО КАНЭМОРИ

Как я ни таился,
Цвет любви моей проступил
Слишком приметно.
Отчего ты ходишь тревожен,
Все спрашивают меня.

平魚盛

志のしん

年
光

いお

ら
と
ひ

人
の
心
を
な
げ
て
お
し
や
う

ТАЙРА-НО КАЭМОРИ (ум. 990) — вельможа царского рода. Известный поэт. Сохранилось собрание его стихотворений.

Данное стихотворение взято из ант. «Сюисю» («Песни любви», книга первая). Впервые оно было произнесено (т. е. «опубликовано») на прославленном в истории японской поэзии «Состязании поэтов во дворце государя в четвертом году Тэнряку» (960).

МИБУ-НО ТАДАМИ

О том, что влюблен я,
Слишком рано молва
Разошлась по свету.
А ведь только глубины сердца
Озарилась думой о ней.

壬生忠見

忠見とてぬ

ちりる
あか

いんま

あ
け

۱۰۰

۱۰۰

۱۰۰

۱۰۰

۱۰۰

МИБУ-НО ТАДАМИ (сер. X в.) — сын Мибу-но Тадаминэ. Известный поэт. Сохранилось собрание его стихотворений.

Данное стихотворение взято из ант. «Сюисю» («Песни любви», книга первая). Вместе со стихотворением Тайра-но Канэмори оно составило соревнующуюся пару во время упомянутого «Состязания...». Причем арбитр долго не мог решить, кто из поэтов лучше справился с темой «Первоначальная любовь». Всем присутствующим и ему самому оба стихотворения казались одинаково удачными. И вдруг из-за церемониального занавеса донесся голос государя, с чувством повторяющего: «Как я ни таился, // Цвет любви моей проступил...» Первенство было присуждено Тайра-но Канэмори. По преданию, огорченный поражением Мибу-но Тадами тяжело заболел и вскоре умер.

**КИЕВАРА-НО
МОТОСУКЭ**

О, как мы клялись!
Я — твои, ты — мои рукава
От слез выжимая,
Что волны не одолеют
Гребня Суэ-но Мацуяма.

清原元補

ちかや

ちかや

ちかや

ちかや

ちかや

ちかや

波
の
す
の
山

КИЁВАРА-НО МОТОСУКЭ (908—990) — внук Киёвара-но Фукаябу. Поэт, филолог, музыкант. Комментатор «Манъёсю», один из составителей «Госэнсю». Сохранилось его «Личное собрание».

Данное стихотворение взято из ант. «Госэнсю» («Песни любви», книга четвертая). *Суэ-но Мацуяма* — гора на северо-востоке Хонсю (местонахождение неизвестно); это название отсылает читателя к знаменитому стихотворению из двадцатой книги «Кокинсю»: «Если покину тебя // И сердце свое другому // Отдать захочу, // Перельются волны за гору // Суэ-но Мацуяма!»

ТЮНАГОН АЦУТАДА

После наших встреч
Такая на сердце смута!
Как мог я знать,
Когда все едва начиналось,
Что есть неподдельная боль?!

申純言敷史

あひまき

の
ほろ

ら
あ
は

むし
し
との
お

思
ま
ら
し
ま
す

は

ТЮНАГОН АЦУТАДА (Фудзивара-но Ацутада, 905—943) — согласно легенде, причиной его смерти был мятежный дух Сугавара-но Митидзанэ. Известный поэт. Сохранилось его «Личное собрание».

Данное стихотворение взято из ант. «Сюисю» («Песни любви», книга вторая).

ТЮНАГОН АСАТАДА

Если б мы никогда
Не встретились больше на свете,
О, тогда хорошо:
Мне не в чем станет корить
Ни ее, ни себя самого.

伴納言

経忠

かきくすの

しし

ちんぱ

か

人

心

為

心

心

心

心

ТЮНАГОН АСАТАДА (Фудзивара-но Асатада, 909—966) — сын Фудзивара-но Садаката [25]. Известный поэт. Сохранилось его «Личное собрание». Герой одного из рассказов «Ямато моногатари».

Данное стихотворение из ант. «Сюисю» («Песни любви», книга первая).

КЭНТОКУКО

«О печаль моя!»

Никто мне не скажет, знаю,

Этих слов теперь.

Значит, все было напрасно,

Даром жизнь прожита.

謙徳公

あまの

あまの

あまの

あまの

あまの

КЭНТОКУКО (муж скромный и добродетельный) — посмертное имя Фудзивара-но Корэтада (923—972), знатного вельможи, государственного деятеля. В молодости он был первым главой Ведомства японской поэзии (Вакадокоро), созданного императором Мураками в 951 г. Здесь была составлена «Госэнсю», шла работа по комментированию «Манъёсю».

Данное стихотворение взято из ант. «Сюисю» («Песни любви», книга пятая). Ему предшествовал заголовок: «Сложил стихи, когда возлюбленная стала к нему равнодушна, и он более не мог ее видеть».

СОНЭ-НО ЁСИТАДА

По стремнинам Юра
Правит лодку свою перевозчик.
Сломалось весло.
О, дороги моей любви!
Плыву, не знаю куда...

曾祿好忠

ゆのち

を

わたり

主人

くら

いづれも

まゝに

無の

道

る

СОНЭ-НО ЁСИТАДА (вторая пол. X в.) — незначительный провинциальный чиновник (вероятно, родом из провинции), он был чужаком в среде поэтов-аристократов. О его жизни почти ничего не известно. Но в поэзии остался «Год его жизни» — уникальная книга, в которой каждый день отмечен стихотворением. Здесь соединились природа, описанная с крестьянской дотошностью, и быт в его ежедневной самоценной прелести, обозначился резкий поворот к земной реальности. («То, что слышали уши, // Что глаза видали мои, — // Все как есть передал я...».) Ёситада сознательно противопоставлял свои стихи классическому канону, именуя себя «слагателем хороших и правильных песен». В первой танка книги он сравнивает искусство поэта с трудом рыбака. Его поэзия отличается свободной интонацией, богатым словарем, тематической дерзостью. Стихотворение взято из ант. «Синкокинсю» («Песни любви», книга первая). *Юра* — пролив в провинции Танго (совр. преф. Хёго).

ЭГЁ-ХОСИ

Дикие травы
Густо в доме растут.
Какая печаль!
Никого! Одна только осень
В гости приходит сюда.

わ
よ
の
し
し
し
し

い
ん
の
し
し
し

惠慶法師

人

了
也

也

秋
也

十
七

十
七

十
七

十
七

十
七

ЭГЁ-ХОСИ (вторая пол. X в.) — о его жизни мало что известно. Был близок к кругу поэта Тайра-но Канэмори [40].

Данное стихотворение взято из ант. «Сюисю» («Песни осени»). В предисловии к нему указана тема: «Осень пришла в руины дворца Кавара-но ин». Об этом дворце, построенном Минамото-но Тору, — [14].

**МИНАМОТО-НО
СИГЭЮКИ**

Как ветер жесток,
Бьются волны в недвижные скалы,
Будто это я сам:
Во мне все рвется на части
Теперь, в ненастливый час.

源重文

風を

みどろ

波の正方

ら
い
け
と

た
の
ひ

あ
ら
ま
り
か

МИНАМОТО-НО СИГЭЮКИ (ум. 1000) — представитель знатного рода. Известный поэт. Сохранилось его «Личное собрание».

Данное стихотворение взято из первой книги «Песен любви» антологии «Сика вакасю» («Изборник песен Ямато — цветы словес», 1141—1151, далее — «Сикасю»).

**ОНАКАТОМИ-НО
ЁСИНОБУ-НО АСОН**

Стражей Ограды
Светло пылают огни
Ночь напролет,
Но наступает день,
И я с ними вместе гасну.

大中見能

宣
元

み
き

法士のの

こ
し
く
の
み

う
ら
ま

し
し
し

ゆつ
は

清
は

物
は

思
は

ОНАКАТОМИ-НО ЁСИНОБУ-НО АСОН

(921—991) — представитель старинного рода синтоистских жрецов. Один из составителей «Госэнсю». Сохранилось его «Личное собрание».

Стихотворение взято из ант. «Сикасю» («Песни любви», книга первая). *Стражи Ограды* — гвардейцы, охраняющие ворота дворца государя. Образный ход стихотворения таков: ночью с возлюбленной я сгораю от любви, как те огни, которые зажигают стражи Ограды, но наступает день, и я должен разлучиться с ней, и тогда все во мне гаснет от тоски.

**ФУДЗИВАРА-НО
ЁСИТАКА**

Лишь ради тебя
О жизни, которой прежде
Не дорожил,
Молю: пусть подольше продлится!
Вот о чем единая мысль!

藤原義孝

まふる

か

しり

のら

た

市

市

市

市

市

市

ФУДЗИВАРА-НО ЁСИТАКА (953—974) — сын Кэнтокуко. Умер от натуральной оспы. По преданию, это был необыкновенно красивый юноша, одаренный поэт.

Данное стихотворение взято из второй книги «Песен любви» «Госюисю» («Вторая Сюисю», сост. 1087 г., см. [3]). *О жизни, которой прежде // Не дорожил...* Согласно буддийскому учению, земная жизнь человека лишь краткое звено в цепи перерождений, капелька в потоке бытия, а само бытие — словно бесконечный сон; постичь это дано лишь человеку, но тот, кто постиг смысл человеческой жизни, уже не дорожит ею. Тем сильнее любовь, которая заставляет такого человека молиться о долгой жизни. Включая это стихотворение в свой изборник, Тэйка, несомненно, рассчитывал на то, что читатели знали о печальной судьбе поэта.

**ФУДЗИВАРА-НО
САНЭКАТА-НО АСОН**

С какою силой!..

Нет, не хватит духа сказать!

Не гора Дыханья,

Где растет чернобыльник горячий,

Ты не знаешь, как я пылаю.

菱原良方朝臣

かくは

えあは

字まさ

の

下

ら

ФУДЗИВАРА-НО САНЭКАТА-НО АСОН

(ум. 998) — знаменитый поэт. Сохранилось его «Личное собрание». Однажды вместе с другими придворными он отправился полюбоваться цветением вишен. Внезапно пошел дождь, и никто не знал, на что им решиться. Тогда, по преданию, Санэката воскликнул: «Мы к вишням пришли, // И сильный дождь разразился! // Теперь все равно // Мы промокнем до нитки! Но где же?! // Под сенью веток цветущих!» И он не ушел из-под деревьев, пока не кончился дождь. При дворе были восхищены этой историей, лишь некто Фудзивара-но Юкинари сказал, что стихи, конечно, хороши, но Санэката вел себя словно шут. Санэката при первой же встрече сбил с него церемониальным жезлом парадную шапку. Юкинари промолчал, но тишком дал знать обо всем государю. Санэката был лишен чина и сослан на далекий северо-восток Хонсю, где и умер. Стихотворение помещено в ант. «Госюисю» («Песни любви», книга первая).

**ФУДЗИВАРА-НО
МИТИНОБУ-НО АСОН**

Утро наступит.
В свой черед и день потемнеет.
Я все это знаю,
Но до чего ненавистен
Мне первый проблеск зари.

藤原道行の

明女

らるる

七の

知

ちん

あき

あき

あき

ФУДЗИВАРА-НО МИТИНОБУ-НО АСОН

(ум. 994) — приемный сын Фудзивара-но Канэиз, талантливый поэт, скончавшийся в молодости. Сохранилось его «Личное собрание».

Данное стихотворение взято из ант. «Госюисю» («Песни любви», книга вторая). Ему предшествовал заголовок: «Когда я уезжал от одной дамы, шел снег. По возвращении домой я сложил эти стихи и послал ей».

**УДАЙСЁ
МИТИЦУНА-НО ХАХА**

Вздыхая печально,
Одна я лежала в ночи,
Зарю ожидая.
Да разве ты можешь знать,
Как долго сегодня светало?!

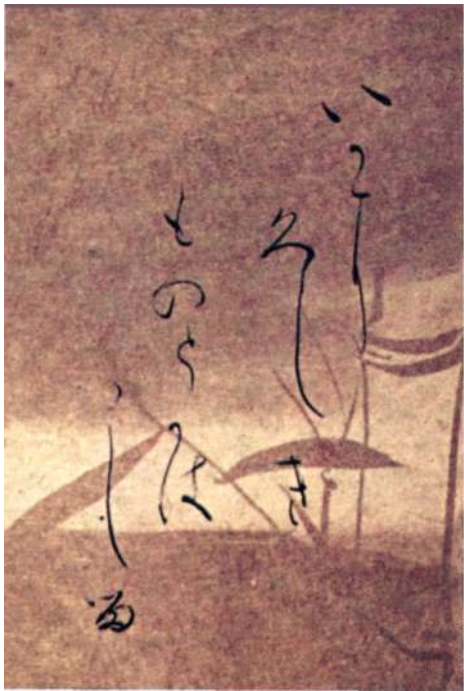
あゝん

つらつら

かゝるい

有将道綱母

УДАЙСЁ МИТИЦУНА-НО ХАХА (Мать Удайсё Митицуна, 937?–995) — знаменитая писательница, имя которой не дошло до нас. Поэзия Митицуна-но хаха высоко ценилась современниками, но непреходящую славу ей принес «Дневник летучей паутины» («Кагэро-ни никки», 972–976). В нем она рассказала о своей жизни, начиная с замужества. Ее отец принадлежал к второстепенной ветви Фудзивара и был служилым дворянином. Достаток такого дворянина зависел от получения выгодной должности в провинции, что, в свою очередь, зависело от сильного покровительства. И когда знатнейший Фудзивара-но Канэиз предложил будущей Митицуна-но хаха стать его второй женой, образованная, самолюбивая, редкостной красоты барышня после долгих колебаний сдалась на уговоры матери и согласилась. В ту пору был распространен унаследованный еще от эпохи матриархата брак «цумадои» — муж навещал жену в доме ее родителей. Такая форма брака

давала женщине известную свободу, но она же позволяла мужчине прерывать свои посещения в любое время. Супружеская жизнь с бесцеремонным легкомысленным вельможей обернулась для Митицуна-но хаха цепью унижений. В предисловии к своей книге она прямо обозначила тему: «...быть может, дневник моей жизни послужит примером для тех, кто спросит: неужели это и есть судьба жены знатного человека?» Тема выступает как формообразующий момент: проза «Дневника» лишена словесных украшений, скупа на детали, она контрастирует с поэзией, как «проза жизни» — с несбыточным поэтическим идеалом. В этом смысле стих «Вздыхая печально...» отличается от большинства стихотворений «Дневника» с их виртуозностью и обилием иносказаний (одно из них, адресованное Канэизэ, она с присущей ей трезвостью назвала чувствительным и старомодным). Воздействие Митицуна-но хаха на литературу начала XI века было велико.

«Вздыхая печально...» находится в первой части «Дневника». Однажды утром (едва после рождения сына), когда Канэиз отправился к себе, Митицуна-но хаха стала для развлечения перебирать письма, скопившиеся в шкатулке, и вдруг наткнулась на его послание, адресованное другой женщине. Она решила, что он нарочно забыл его, подавая весть о разрыве, и спросила его об этом в письме. Он не отвечал. Через несколько дней среди ночи она услышала стук в ворота, поняла, что это он, но, мучимая обидой, не пошла открывать. Утром она сочинила это стихотворение, тщательно перебелила и послала мужу, приложив к письму увядшую хризантему.

**ГИДОСАНСИ-НО
ХАХА**

Никогда не забудешь?
Каким суровым обетом
Себя связал ты!
Ну что ж! Пускай этот день
В моей жизни станет последним!

儀同三司母

高麗の

いづま

いづま

三
一
二
三
四
五
六
七
八
九
十

十一
十二
十三
十四
十五
十六
十七
十八
十九
二十

二十一
二十二
二十三
二十四
二十五
二十六
二十七
二十八
二十九
三十

三十一
三十二
三十三
三十四
三十五
三十六
三十七
三十八
三十九
四十

四十一
四十二
四十三
四十四
四十五
四十六
四十七
四十八
四十九
五十

ГИДОСАНСИ-НО ХАХА (мать Гидосанси, 963—1010) — знатная дама, жена канцлера Фудзивара-но Мититака [сына Канэиэ—53]. «Гидосанси» примерно означает: три поста министров (которых я достигну) станут воплощением благочестия. Это прозвище придумал себе ее сын Корэтика, энергичный честолюбец. В драматической схватке за власть он проиграл Фудзивара-но Митинага. Жертвой этой борьбы стала его родная сестра, императрица Тэйси. Первой женой государя — вместо Тэйси — Митинага сделал свою юную дочь, положив тем самым начало более чем тридцатилетнему периоду своего могущества. Эти события отразились в «Записках у изголовья» Сэй-сёнагон [62], фрейлины при дворе Тэйси.

Данное стихотворение взято из ант. «Синкокинсю» («Песни любви», книга третья). Оно было сложено в ответ на любовную клятву молодого Мититака.

ДАЙНАГОН КИНТО

Шум водопада
Оборвался давно, унесен
Времени током.
Но плещет, как прежде, слава,
Молвой разливаясь в мире.

大納言公任

歌のまじ

うしろく

ひさしく

あわす

名

化

なれ

ふ

る
て
て
て

た

ДАЙНАГОН КИНТО (старший советник Кинто, 966—1041) — отпрыск знатнейшей ветви Фудзивара. Талантливый стихотворец, знаток искусств, глава литературной жизни своего времени. Им составлены антология «Сюисю», сборник японской и китайской поэзии «Вакан Розэйсю» (1013), по которому поколения японцев учились декламации и каллиграфии, он предпринял огромный труд по созданию «Личных собраний» тридцати шести известных поэтов VII—X вв. Развивая идеи Кино Цураюки, он сформулировал одно из центральных понятий японской классической эстетики: «ёдзё» (сверх-смысл или послечувствование). Стихотворение помещено в ант. «Сюисю» («Разные песни», книга первая) с предисловием: «Множество людей собралось близ храма Дайкакудзи и глядит туда, где некогда был водопад». При государе Сага (нач. IX в.) на территории храма был прекрасный водопад. Поэт вспоминает времена Сага, составитель сборника — замечательную эпоху, в которую жил Кинто.

ИДЗУМИ-СИКИБУ

Я здесь не жилища.
Но чтобы помнить тебя
Там, вне этого мира,
О, как я хочу теперь
Одной-единственной встречи!

和歌式部

あ
ま
ら
け

は
よ
あ

え

あ
ら
け

あ
ら
け

ИДЗУМИ-СИКИБУ (ок. 976 — ок. 1034) принадлежала по отцу к роду Оэ, хранившему традиции высокой образованности. Литературная известность пришла к ней рано. Когда Идзуми поступила на службу при государыне Сёси, дочери Митинага (1009), она была уже весьма знаменита. Однако слава ее имела двусмысленный, если не скандальный оттенок. В самом деле, двадцатишестилетняя замужняя дама становится возлюбленной принца крови, и через полтора года он умирает. Не проходит еще срок траура, как она вступает в связь с его младшим братом, который был моложе ее четырем годами. Спустя пять лет умирает и он. Через некоторое время она снова выходит замуж и пр. Принципиальная неотделимость творчества поэта от его бытовой биографии, коренящаяся, впрочем, в самых основах японской песни, — важнейшая черта литературного мира хэйанской эпохи, «И все-таки есть в Идзуми что-то неприятно дерзкое [...], — читаем мы

в «Дневнике» Мурасаки-сикибу. — Ее стихи? Они, действительно, остроумны. Но знание старой поэзии, понимание устава стихосложения?! К поэзии истинного стиля их отнесешь едва ли! Хотя в этих ее небрежно слетающих с губ словах всегда найдется удачный оборот, строка, достойная внимания». За этим стоит не только то, что Идзуми была полной противоположностью сдержанной, несколько чопорной Мурасаки (как и нежным, кротким героиням ее знаменитого романа), но то, что Мурасаки свободно творила в области романа, а Идзуми была непочтительна в святой святых — в поэзии. Смеем сказать к тому же, что вряд ли она знала поэзию Идзуми, как знали ее уже веком спустя, или как позже в ней были начитаны Сайгё, Тосинари и Тэйка. Творчество Идзуми обширно и по объему (более тысячи четырехсот танка), и по охвату чувств, по масштабам психологических открытий, вполне оцененных лишь в начале

XX в. Тем не менее в своей неприязни Мурасаки многое угадала верно. Конечно, Идзуми превосходно знала «старую поэзию» (канон «Кокинсю»), но тяготела она к смелой искренности песен «Манъёсю» и, с другой стороны, к особой образности и чеканной трезвости буддийских апофегм. Страсть и внутренняя свобода — доминанты ее поэзии.

«Я легла, позабыв, // Что перепутались пряди // Черных моих волос. // О любимый! Он прежде // Их безмолвно расправил!» — «И все же, и все же // Я жива, или нет меня // Для того, кто прежде любил? // Я спрошу его, я желаю // Себя самое понять!» — «Какая печаль! // Что, если и он исчезнет, // Даже этот дымок!? // Валежник в огонь ломаю // Зимой в деревушке горной». — «О изменчивый мир! Он давно мне в тягость, и все же // Решиться я не могу. // Как? Отказаться от мира, // В котором дети живут?!»

Стихотворение взято из ант. «Госюисю» («Песни любви», книга третья).

МУРАСАКИ-СИКИБУ

Встретились наконец.
Но пока я гадала: она ли —
Та, на кого гляжу?
Уже в облаках сокрылась
Луна полночного часа.

紫式部

笑らば

いかに

三十一

もろ

いかに

あつた
りか
し
け
の
月
あ

МУРАСАКИ-СИКИБУ (973?–1014?) — величайшая писательница Японии. Она происходила из второстепенной ветви рода Фудзивара, из семьи, давшей немало одаренных литераторов. Традиции самой высокой культуры она восприняла почти из первых рук. Мурасаки была по отцу правнучкой Фудзивара-но Канэсукэ [27], поэта, друга и покровителя Ки-но Цураюки [35]. Ее отец, Тамэтоки, служилый дворянин, был также известным поэтом, писавшим по-японски и по-китайски (он учился у выдающегося китаиста Сугавара-но Фумитоки, внука Митидзанэ [24]). Кроме того, что Мурасаки превосходно знала родную и китайскую словесность, она славилась как замечательная музыкантша, мастер каллиграфии. О ее понимании живописи свидетельствуют страницы «Повести о Гэндзи», главного ее произведения и одного из лучших романов мировой литературы. В этом грандиозном по объему (пятьдесят четыре главы) и художественному содержанию произведении рассказа-

на жизнь вельможи царского рода принца Гэндзи от рождения и до смерти. Широкое свободное повествование захватывает сотни героев, многие из которых предстают как подлинные характеры. Это роман нравов и в тоже время вещь, отмеченная самым изощренным психологизмом. Он вобрал в себя японский миф, сказку, завоевания поэзии и прозы всех жанров, понимание прекрасного, выработанное фольклором и литературой. Естественно, что такой роман не мог быть написан человеком, не ведающим, что творит. Устами любимого героя Мурасаки высказывает свои мысли о романе. Она утверждает, что, во-первых, моногатари (роман) изображает жизнь полнее и вернее, чем исторические анализы, что, во-вторых, повествователь не следует бездумно за событиями реальной жизни, описывая «все как есть», но «передает миру» то, что «не может удержать в своем сердце», и, наконец, в-третьих, что такие романы ведут людей к понима-

нию истинной сути бытия так же убедительно, как буддийская проповедь. Замечательно, что все это Гэндзи говорит одной своей молодой воспитаннице не ради того, чтобы пояснить ей преимущества новых моногатари перед повестями в старом, сказочном духе, но желая обольстить ее, ибо «сам-то я доподлинный любовный безумец из старинной книги!». Предполагается, что «Повесть о Гэндзи» была начата осенью 1001 года и закончена в 1014 году. Настоящее имя писательницы неизвестно. Мурасаки — прозвище, данное ей Фудзивара-но Кинто [55] в честь главной героини «Повести...». Кроме того, до нас дошли ее «Дневник» и «Изборник стихов».

Данное стихотворение взято составителем из антологии «Синкокинсю», «Разные песни», часть 1. Впервые оно встречается в «Изборнике стихотворений Мурасаки-сикибу»; это начальное стихотворение «Изборника...», и там ему предшествует следующее пояснение: «От юных лет мы

были близкими подругами. Спустя годы наши пути пересеклись, но лишь на мгновение. Споря в торопливости с луной десятой ночи седьмой луны, она уехала». Но, кажется, выбирая этот шедевр восемнадцатилетней Мурасаки для своего изборника, Тэйка желал бы напомнить и о ее «Повести...». Дело в том, что строка «Уже в облаках сокрылась...» может быть прочитана и как «Сокрылся в облаках...» (японский глагол не знает категории рода), и как «Сокрытие в облаках», а это уже — название несохранившейся или, по весьма авторитетным предположениям, *ненаписанной* главы «Повести...», в которой должна была идти речь о смерти Гэндзи. Академик Н. И. Конрад писал в связи с этим: «...Мурасаки всем ходом своего повествования подготавливает смерть своего героя. Все свидетельствует о близком завершении его судьбы. Все события неуклонно ведут к этому. Последнее событие — смерть Мурасаки (глава XXXIX) образует последнее звено в

этой цепи. Последующая глава вся целиком посвящена скорби Гэндзи. Перед читателем проходит на специально подчеркнутом фоне сменяющихся друг друга времен года — символом преходящего характера всех вообще явлений — облик самого погруженного в печаль героя. Перед ним еще раз проходят та весна, то лето, та осень, та зима, с каждой из которых у него связано так много в жизни, столько женских образов<...> Глава кончается. Конец ее — ясен. И автор, эта изумительная художница приема <...> ставит всего только одно название главы «Сокрытие в облаках», с тем чтобы следующую главу начать совершенно просто: «После того как свет сокрылся в облаках ...» и т. д.» Стоит заметить, что в выборе этого стихотворения со стороны Тэйка вероятен и оттенок лукавства. Ведь оно продолжает тему стихотворения Идзумисикибу, к которой Мурасаки относилась по меньшей мере холодно [56]. Две замечательные поэтессы «встретились наконец» в изборнике Тэйка.

ДАЙНИ-НО САММИ

Ветер с горы Арима
В долине Ина повеет —
Зашелестит бамбук.
Ты слышишь, ветреник?! Разве
Я в силах тебя позабыть?

大貳

三伍

うま心

なま

こゝろ

風
な
れ

一
子

人

子
子

子

子

子
子
子

子
子
子

ДАЙНИ-НО САМИМ (ок. 999—?) — дочь Мурасаки-сикибу. Талантливая поэтесса. Дайни — часть титула ее мужа, помощника правителя Кюсю, самми — высокий придворный ранг. Сохранилось ее «Личное собрание».

Данное стихотворение взято из ант. «Госюисю» («Песни любви», книга третья). *Гора Арима, долина Ина* находились в провинции Цу (совр. преф. Хёго); в народной поэзии часто связаны. Первые две строки стихотворения представляют собой фольклорный зачин.

АКАДЗОМЭ-НО ЭМОН

О, знала бы я,
Я б могла уснуть беззаботно,
Но темнела ночь,
А я одиноко глядела,
Как луна уходит к закату.

赤染右門

わす

けり

わす

のさ

いしあ

丁酉大也

尚之乃

日也

孔

АКАДЗОМЭ-НО ЭМОН (даты жизни неизвестны) — по преданию, дочь Тайра-но Канэмори [40]. Носила фамилию второго мужа своей матери (эмон — его придворное звание). Она была замужем за известным поэтом, ученым и знатоком китайской словесности Оэ-но Масахира (952—1012). Находилась в свойстве с Идзумисикибу и делила с ней славу первых поэтесс своего времени. Стихи ее высоко ценила Мурасаки-сикибу. Сохранилось ее «Личное собрание».

Данное стихотворение взято из ант. «Госюисю» («Песни любви», книга вторая). В предисловии к нему говорится, что Акадзомэ-но эмон написала его вместо своей младшей сестры, которую обманул возлюбленный — Фудзивара-но Мититака [54].

**КОСИКИБУ-НО
НАЙСИ**

До горы Оэяма
Вдоль долгой долины Икуно
Долго идет письмо,
И я еще не видала вас,
Ступени Небесной лестницы.

小式部内侍

大江山久

の道

乃

心

けい

南の山にみたり

天の心を
主

КОСИКИБУ-НО НАЙСИ (ум. 1025) —

дочь Идзуми-сикибу от первого брака (косикибу — «маленькая сикибу», найси — скромное придворное звание). Данное стихотворение взято из ант. «Кинъё вакасю» («Изборник песен Ямато — золотые листья», 1127 г., далее — «Кинъёсю»), «Разные песни», книга первая. Однажды, после того, как Идзуми-сикибу вместе с мужем уехала в пров. Танго, ее дочь пригласили на поэтическое состязание. Та выступила столь удачно, что пошли слухи, будто ей помогала ее знаменитая мать. Фудзивара-но Садаёри [64] даже спросил, не получала ли она писем от Идзуми-сикибу. Дочь оказалась достойна своей матери. Она ответила экспромтом, который прославил ее в истории японской поэзии. Он основан на сложной игре слов, в частности, на том, что слова «письмо» и «Ступать по лестнице» звучат одинаково. Небесная лестница (Небесный мост, Ама-но хасидатэ) — поросшая соснами песчаная коса на побережье Хонсю в Танго.

ИСЭ-НО ТАЙФУ

Старинной столицы,
Нары весенней дары,
Вишни об осьми лепестках
В чертоге Девятого неба
Ныне блещут благоуханьем.

伊勢大輔

いし
の

な
ね
ね

の
い
の

ИСЭ-НО ТАЙФУ (даты жизни неизвестны) — внучка Онакатоми-но Ёсинобу [49]. Отец ее носил высокий титул тайфу, был главным жрецом синтоистских храмов Исэ, известен и как поэт. Талантливая поэтесса служила при дворе в одно время с Мурасаки-сикибу, Идзуми-сикибу. Сохранилось ее «Личное собрание».

Данное стихотворение взято из ант. «Сикасю» («Песни весны»). В предисловии к нему говорится, что оно было сложено по повелению государя Итидзё, когда в дар ему доставили из Нара махровые вишни. *Чертог Девятого неба* (Девятиворотный чертог) — пришедшее из Китая обозначение императорского дворца. Эта строка связывает стихотворение — с последней строкой предыдущего, а также со стихотворением Онакатоми-но Ёсинобу [49].

СЭЙ-СЁНАГОН

Когда-то в глухую ночь
Некто петушьим пеньем
Привратника обманул.
Но сегодня едва ль, притворщик,
Отворишь ты Заставу Встреч.

清か納言

よひこのと

をの
り

わ
げ
る

まじりて
乃てまじりて
ゆきまじりて

СЭЙ-СЁНАГОН (966?—?) — автор прославленных, переведенных на многие языки мира «Записок у изголовья» («Макура-но соси», см. Сэй-сёнагон. Записки у изголовья / Перевод со старояпонского, предисловие и комментарий Веры Марковой. М., 1975). Сэй — китайское чтение первого иероглифа в слове «Киёвара», сёнагон — мало что значащий титул придворной дамы. В 993 г., испытав уже горечь неудачного и недолгого замужества, Сэй-сёнагон поступила на службу в штат государыни Тэйси (см. прим. 54). Здесь она и начала свои «Записки». Завершены они были в самом начале XI в.

Данное стихотворение взято из ант. «Госюисю» («Разные песни», книга третья). В «Записках у изголовья» оно входит в следующий эпизод. Однажды ее близкий друг То-но бэн Юкинари, посетив ее, уехал раньше обычного. Утром она получила письмо: «Наступило утро, но в сердце моем теснятся воспоминания о нашей встрече. Я надеялся всю ночь прове-

сти с вами в беседах о былом, но крик петуха помешал мне...» <...> Я ответила: «Уж не тот ли это обман- ный крик петуха, что глубокой ночью спас Мэнчан-цзюня». Ответ Юкинари гласил: «Предание повествует, что обман- ный крик петуха, будто бы воз- вестивший зарю, открыл заставу Ханьгу и помог Мэнчан-цзюню бежать <...>, но что нам до этой заставы? Перед нами «Застава встреч». Тогда я послала ему стихотворение...» (Пе- ревод В. Марковой).

Речь идет о знаменитом преда- нии, помещенном в «Исторических записках» Сыма Цяня и относящемся к эпохе «Борющихся царств» (V— III вв. до н. э.). Мэнчан-цзюнь (прави- тель Мэнчана) был приглашен в цар- ство Цинь и стал там министром, но затем, заподозренный могуществен- ным циньским государем в преда- тельстве, вынужден был спастись бегством. Он уже достиг заставы Ханьгу на границе царства, но была ночь, и ворота оказались запертыми. Тогда один из его спутников мастер-

ски закричал петухом, и ворота открылись... Сэй-сёнагон любила щегольнуть своей осведомленностью в китайской классике (по мнению весьма образованной Мурасаки-сикибу, не слишком глубокой). Последняя оставила о Сэй-сёнагон высказывание, еще более неприязненное, чем об Идзуми-сикибу, и Тэйка, несомненно, имел это в виду при выборе стихотворения.

**САКЁ-НО ТАЙФУ
МИТИМАСА**

«Теперь навсегда
Я должен порвать с тобою!» —
Даже эти несколько слов
Сам, без чужого посредства,
Если б мог я тебе сказать!

大京大夫
道雅

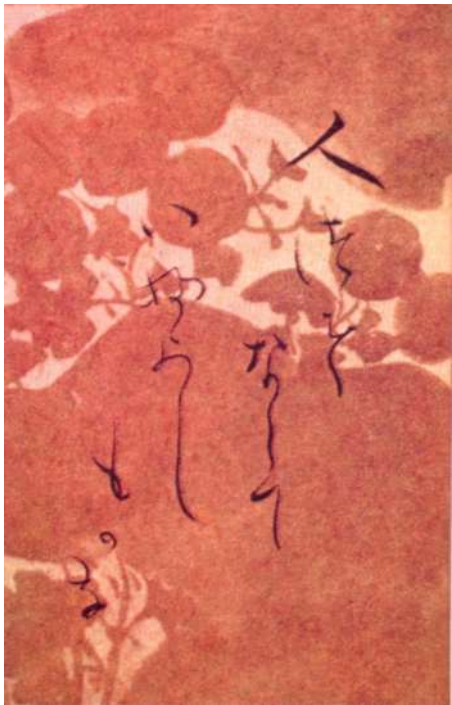
六はこ

たし
之

し
た

た
し
た
た

САКЁ-НО ТАЙФУ МИТИМАСА (управительлевой части столицы Митимаса, 991—1054) — сын Фудзивара-но Корэтика [54].

Данное стихотворение взято из ант. «Госюисю» («Песни любви», книга третья). Митимаса и дочь государя Сандзё полюбили друг друга. Но она была жрицей храмов Исэ и нарушила обет чистоты. Разгневанный государь запретил им видеться.

**ГОН-ТЮНАГОН
САДАЁРИ**

На раннем рассвете
Туман над рекою Удзи
Рвется, рвется на клочья,
И вдаль отмелей, отмелей светлых
Колья вершей всплывают чредою.

指申結言の受頼

あさひの若

うけの川

秀

ГОН-ТЮНАГОН САДАЁРИ (советник Садаёри, 991—1043) — сын Фудзиварано Кинто [55]. Известный поэт. Сохранилось его «Личное собрание».

Данное стихотворение взято из «Песен Зимы» антологии «Сэндзайсю» («Сэндзай вакасю») — «Изборник песен Ямато — за тысячу лет» (1187). Образный строй стихотворения связан со старинным обычаем ночной ловли хио (крошечных, почти прозрачных форелей) на реке Удзи (недалеко от совр. Киото). Ко дну реки с помощью кольев прикреплялись особые ловушки, плетенные из бамбука так, чтобы рыбки в них запутывались.

САГАМИ

Обидой истомлена,
Не боюсь, что мои рукава
Истлеют от слез.
Мне доброго имени жаль,
Истреплет его молва.

相模

しよ佳

けり

神

いにし

もの

しん
た
か
し
あ
を
け
ら

САГАМИ (даты жизни неизвестны) — дочь знаменитого военачальника Ми-намото-но Ёримицу (ум. 1021). Придворная дама, близкая приятельница Идзуми-сикибу и Косикибу-но найси. Прозвище ее связано с местом службы ее мужа, поэта Оэ-но Кинсукэ, бывшего одно время губернатором провинции Сагами (совр. преф. Канагава). Любовные узы связывали Сагами с Фудзивара-но Садаёри [64]. Прославленная поэтесса. Сохранилось ее «Личное собрание».

Стихотворение взято из ант. «Госюсю» («Песни любви», книга четвертая), где есть помета: «Произнесено на поэтическом состязании, устроенном в 6 году эры Эйсё» (1051).

ДАЙСОДЗЁ ГЁДЗОН

Будем же вместе,
Откроем сердце друг другу,
Вишня в горной глуши.
Никто, кроме этих цветов,
Не знает, куда взошел я.

金湯をくし

しをけり

とふらふら

前大僧正行基

さるるる

けしき

人あかり

ДАЙСОДЗЁ ГЁДЗОН (Великий епископ Гёдзон, 1057—1135) принадлежал к роду Минамото; монах буддийской секты Тэндай. Талантливый поэт, каллиграф и музыкант. Нередко предавался отшельническому искусству, совершая паломничества к горным храмам. В ант. «Кинъёсю» («Разные песни», книга первая) стихотворению предшествует заголовок: «Войдя в горы Оминэ увидел нежданно цветущую вишню». Горы в исконных японских верованиях почитались вначале как божества, затем как место обитания богов. Буддисты видели в них воплощения будд. Так горы Оминэ (горная цепь в преф. Нара) почитались как аватара великого космического будды Вайрочана, а восхождение на них — молитвенным бдением. Вишня явилась перед поэтом как внезапная истина, как ему одному открывшаяся красота, дающая дружеское единение с вселенной. Помещая танка Гёдзона между стихотворениями на любовную тему, составитель придает ей новый оттенок.

СУО-НО НАЙСИ

Вешней ночи летучий сон.
Забиться бы дремой, приникнув
Головою к твоей руке!
Но нет, и такая малость
Мое имя погубит навеки.

か
し
ち
る
く

し
く
て

あ
ら
か
い

し
く
て

あ
ら
か
い

СУО-НО НАЙСИ (40—80 гг. XI в.) принадлежала к роду Тайра. Придворная дама. Отец ее служил губернатором провинции Суо. Талантливая поэтесса. Сохранилось ее «Личное собрание».

Стихотворение взято из ант. «Сэндзайсю» («Разные песни», книга первая). В предисловии к нему говорится: «Светлой лунной ночью месяца «кисараги» (второго, по лунному календарю. — В. С.) множество дам коротали время во дворце Нидзёин, болтая о том, о сем. Суо-но найси лежала, опираясь на локоть. Она прошептала: «О, если бы здесь было изголовье!» Старший советник Та-Даиэ, услышав это, протянул свою руку под штору, за которой та отдыхала».

САНДЗЁ-НО ИН

Надежды более нет.
Но если в горестном мире
Жизнь продлится моя,
Я всё буду помнить с любовью
Луну эту в зимней ночи.

三條院

いさる

し

あ

げ

た

は

新

之

家

乃

乃

月
孔

САНДЗЁ-НО ИН (государь-инок Сандзё, 976—1017, правил 1011—1016) — шестьдесят седьмой государь Японии. Властью Митинага был заменен на престоле государем Го-Итидзё, которому в ту пору едва минуло четыре года. Данное стихотворение взято из ант. «Госюисю» («Разные песни», книга первая). По преданию, Сандзё-но ин сложил его незадолго до своего отречения. *Я все буду помнить с любовью // Луну...* — эти строки имеют и конкретный смысловой оттенок. Последние годы жизни Сандзё-но ин страдал от нарастающей слепоты. Однако в контексте «Изборника» все эти драматические обстоятельства оказываются «снятыми», и танка Сандзё-но ин продолжает любовную тему предыдущего стихотворения.

НОИН-ХОСИ

Красные листья
С отрогов горы Мимуро,
Где буря бушует,
Пестрой парчой застлали
Воды реки Тацута.

能因法師

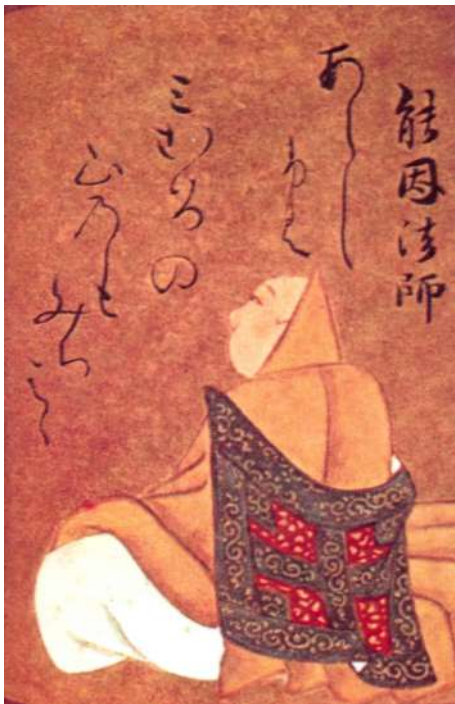
あ

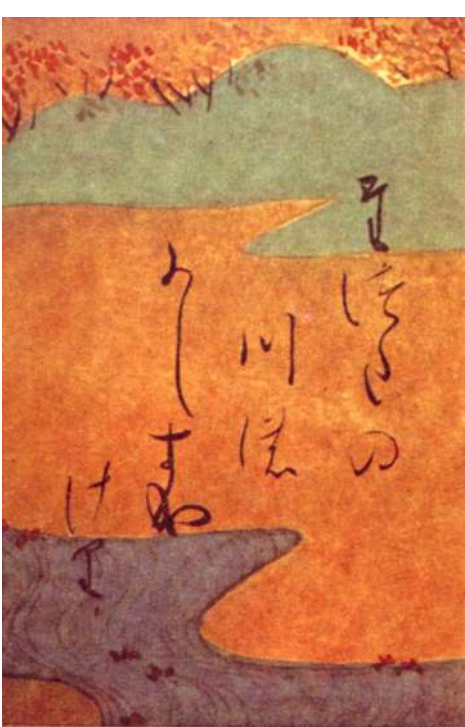
かき

三つろの

心ろ

みろ

けす
く
川
は
の
し
の

НОИН-ХОСИ (988—?) — монашеское имя Татибана-но Нагаясу. Талантливый поэт, автор трудов о японской поэзии. Сохранилось его «Личное собрание». Предание донесло до нас образ Ноин-хоси, человека, одержимого своим искусством. Знаменита его танка: «Когда покидал я столицу, // Дорожным товарищем моим // Была весенняя дымка. // Но ветер осени свищет теперь // Над заставою Сиракава» (пер. В. Марковой). Рассказывают, что она была сложена в столице, но Ноин-хоси заперся на несколько месяцев дома и усердно подставлял лицо солнцу, дабы никто не усомнился в том, что он проделал долгий путь на северо-восток Хонсю, — и только тогда прочел стихи друзьям.

Данное стихотворение взято из ант. «Госюисю» («Песни осени», книга вторая). Осень в горах *Мимуро* (пров. Ямато) воспета еще в «Манъёсю». *Река Тацута* не протекает близ этих гор. Поэт соединил в стихотворении гору и реку, названия которых вызывали в памяти образы осени.

РЁДЗЭН-ХОСИ

Печалью застигнут,
Я приют свой покинул и вышел,
И вокруг огляделся.
И вблизи, и далёко все то же,
Повсюду осени сумрак.

良暹法師

山崎のりこう

をゆくなごもい

一
二
三
四
五
六
七

同
一
物
の

夕
暮

РЁДЗЭН-ХОСИ (ок. 1000 — ок. 1065) — монах секты Тэндай, знаменитый поэт. Собрание его стихотворений существовало, но считалось утраченным уже во времена Фудзивара-но Тосинари [83].

Данное стихотворение взято из ант. «Госюисю» («Песни осени», книга вторая). Одно из важнейших в смысловой структуре «Ста стихотворений».

ДАЙНАГОН ЦУНЭНОБУ

Лишь только стемнеет,
Гостит он в рисовом поле,
Шуршит у калитки,
И в шалаш тростниковый
Врывается осенний ветер.

大納言經伝

夕々月夜

の田乃

の京

若つ建八

あし乃

まろをに
に

あつた
り
吹

ДАЙНАГОН ЦУНЭНОБУ (Минамото-но Цунэнобу, 1016—1097). Занимал важные посты при дворе. Последние годы жизни провел на Кюсю, помощником правителя острова. Замечательный поэт и музыкант, человек обширных познаний, Цунэнобу в своих размышлениях о поэзии следовал духу творчества Сонэ-но Ёситада [46], решающую новизну которого первым сполна осмыслил. Протестуя против застывшего набора изобразительных средств, он призывал поэтов вновь обратиться к природе, рождающей в своем бесконечном изменении все новые чувства. Отыскивая слова, чтобы выразить какой-либо момент в жизни природы, поэт открывает новое в самом себе («Давно облетели // Вишни старой столицы, // Но вешние облака — // В них навек отразился // Образ веток расцветших!»). Его влияние на развитие поэзии было очень велико.

Данное стихотворение взято из ант. «Кинъёсю» («Песни осени»).

**ЮСИ-НАЙСИННО-КЭ-НО
КИ**

Прибрежья Такаси
Славен высокий прибой,
Но изменчивы волны.
Ужели я к ним приближусь?
Ведь намокнут мои рукава!

移子内親王家紀伊

おしとく

の

は
は

い
は
ら
の
か
き
の
か
き

か
き
の
か
き

か
き

ЮСИ-НАЙСИННО-КЭ-НО КИ (середина XI в.) — так называли придворную даму, служившую у Юси-найсинно, жены государя Госудзаку. Известная поэтесса. Сохранилось ее «Личное собрание».

Стихотворение, взятое из ант. «Кинъёсю» («Песни любви», книга вторая), было сложено для своеобразного «Состязания любовных писем» в ответ на стихотворение Фудзивара-но Тоситада: «Ветер с залива // Арисо да поможет мне! // Мои тайные думы // С ночью волной прихлынут, // Чтобы ты услышала их.» Оба стихотворения построены на сложной игре слов. *Такаси* находится в совр. преф. Осака, *Арисо* — старинное название залива Тояма, омывающего противоположный, тихоокеанский берег Хонсю в районе преф. Тояма.

**ГОН-ТЮНАГОН
МАСАФУСА**

На горе Такасаго,
Возле самой вершины,
Цветы весенние вишни.
О дымка окружных холмов,
Не подымайся высоко!

権中納言 運房

早、ゆめ、の

瓦との

さくら

あま

わ

ГОН-ТЮНАГОН МАСАФУСА (Оэ-но Масафуса, 1041—1111) — представитель старинного рода, из которого вышло немало поэтов и ученых. Государственный деятель, талантливый поэт, писавший по-японски и по-китайски. Японские стихи Масафуса, по отзывам старинной критики, отличались особенной «прозрачной красотой».

Данное стихотворение взято из ант. «Госюисю» («Песни весны», книга первая). *Такасаго* — здесь не географическое название, но обозначение некой «высокой горы». *Не подымайся высоко!* — Тогда можно будет любоваться и весенней дымкой и цветением вишен.

**МИНАМОТО-НО
ТОСИЁРИ-НО АСОН**

Зыбкое сердце ее
Склони ко мне, о благая
Гора Хацусэ.
Но вихрь по склону с вершины
Непрошенный налетел.

源後頼朝

うすけ

人

の

心

МИНАМОТО-НО ТОСИЁРИ-НО АСОН

(1055—1121) — сын Минамото-но Цунэнобу. Поэт, филолог, составитель ант. «Кинъёсю». Провел вместе с отцом несколько лет на Кюсю вплоть до кончины последнего. Впечатления этой поры отразились в «Книге скорби» (шестой из десяти книг «Изборника Тосиёри») — поэтическом дневнике с превосходной прозой, посвященном памяти отца. Вот одно из стихотворений (под заголовком: «Сложил в канун новолетья»): «Печалился я — // Теперь ты живешь и стареешь // В мире ином, // А ведь скоро еще на год // Станешь дальше ты от меня».

В 1111—1114 гг. он написал обширный труд «Основы поэзии» («Тосиёри-дзуйно»), содержащий драгоценный материал к истории японской литературы. Знаменательно, что самой последней работой дряхлеющего Тэйка было именно изготовление списка с книги Тосиёри — с ее рассказами о прославленных стихотворениях былых времен, преданиями о

поэтах, посвятивших всю жизнь своему искусству. Мы не найдем у Тосиёри стройного учения о поэзии: может быть, оттого, что он писал эту книгу как руководство по стихосложению для одной юной поэтессы, но скорее всего, по той причине, что был прежде всего поэтом. Недаром, развивая взгляды своего отца на поэзию, он выдвигает здесь понятие «новизны» — «свежего мотива» («мэдзурасики фуси»), без которого невозможна хорошая песня. Поэзия Тосиёри многогранна. Он был мастером «парадного жанра» («харэ-но ута»), т. е. превосходно слагал стихи, которым пристало звучать в торжественной обстановке поэтического состязания во дворце государя или важного сановника: «Вишни в горах. // С тех пор, как они расцвели, // Я, кажется, вижу: // Там, в облаках вековых, // Водопада белые нити!» У него есть стихи, отмеченные чистой, но несколько условной красотой, и есть — пронзительной простоты и искренности: «Сжимается

сердце! // До чего он спокойно сгорает, // Этот светляк! // Он прав: не стоит наш мир того, // Чтобы в голос о нем сожалеть!» Вот почему воздействие Тосиёри испытали такие разные поэты, как Тосинари и Сайгё.

Данное стихотворение взято из ант. «Сэндзайсю» («Песни любви», книга вторая). Оценивая его, Тэйка писал «о глубине сердечной сути и совершенном согласии слов и смысла». Оно характерно для подхода Тосиёри к слову и его возможностям. Хацусэ — не только гора, но и название горного храма, посвященного богине — подательнице благ Каннон. По принципу метонимии гора и храм отождествлялись с самой богиней. Слог «сэ» в названии храма читается и как формант побудительного залога в системе японских глаголов. Молитва поэта так горяча, что «превращает» существительное «хацусэ» в глагол: смягчи, умилосердь. Передать это по-русски, разумеется, невозможно.

**ФУДЗИВАРА-НО
МОТОТОСИ**

Ты клялся: «Повремени!»
Росинка в траве Упованья —
Цена всей жизни моей.
О, горе! И в этом году
Бесследно осень минует.

藤原基俊

地
たる
至

い
せ
し

し
ほ
の
ま

命
と

あ
ら
れ

う
ら
れ

の

あ
ら
れ

う
ら
れ

あ
ら
れ

ФУДЗИВАРА-НО МОТОТОСИ

(ум. 1142) — знатнейший вельможа. Талантливый поэт. Остался в истории поэзии как ревностный оппонент Минамото-но Тосиёри [74], призывавший к строжайшей верности канонам классической танка эпохи «Кокинсю».

Данное стихотворение взято из ант. «Сэндзайсю» («Разные песни», книга первая). Мототоси обратился к канцлеру Фудзивара-но Тадамити [76] с просьбой, исполнение которой было бы существенным для придворной карьеры его сына. Тадамити ответил: «Доверься мне», но обещания не выполнил. В контексте «Изборника...» это стихотворение неразрывно связано с предыдущим.

**ХОССЁДЗИ-НО НЮДО
САКИ-НО КАМПАКУ
ДАЙДЗЁДАЙДЗИН**

На равнину моря
Мы выплыли и увидали:
Там, далёко-далёко,
Сродни облакам вечносушим,
Недвижны белые волны.

法性寺入道前辭曰

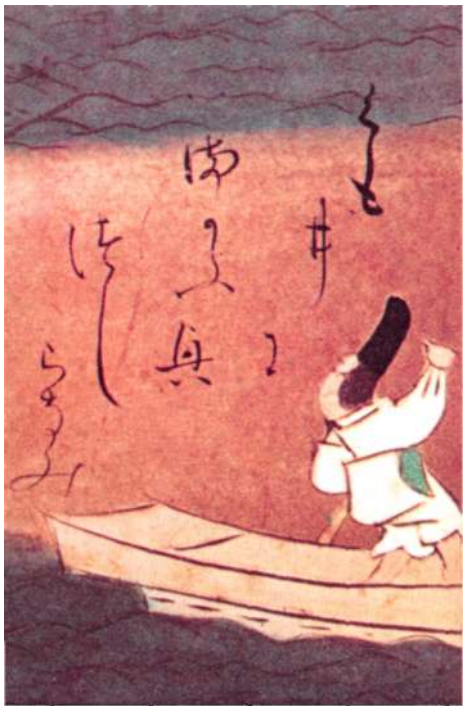
大政大臣

うの
け

清少なるし

久の

舟

人

真

舟

舟

舟

舟

**ХОССЁДЗИ-НО НЮДО САКИ-НО КАМПА-
КУ ДАИДЗЁДАЙДЗИН** (монах храма

Хоссёдзи, бывший канцлер и великий министр Фудзивара-но Тадамити, 1097—1164) — известный поэт, писавший по-японски и по-китайски. Сохранились сборники его стихов. Именем Тадамити означен некий рубеж в историческом движении «Ста стихотворений». На годы, когда он возглавлял столичное правительство, приходится окончательный упадок власти Фудзивара, начинаются кровавые схватки внутри клана и феодальные войны по всей стране.

Данное стихотворение взято из ант. «Сикасю» («Разные песни», книга вторая). Величавые образы стихотворения, вызывающие в памяти времена эпической древности и столь соответствующие величавому облику знатнейшего вельможи резко контрастируют с мыслью о печальной участи его рода.

СУТОКУ-ИН

На перекатах быстра!
Пусть скалы ей путь заграждают.
Неистовая река
Раздвоится с разбега, но вскоре
Встречаются вновь рукава!

崇徳院

御正衣冠

御正衣冠

平
瓜川の

か
り

り
と

た
り
と

あ
ら
む

あ
ら
む

СУТОКУ-ИН (1119–1164, правил 1123–1141) — семьдесят пятый государь Японии. Знаменитый поэт. Потерпел поражение в ожесточенной борьбе за власть и был сослан в провинцию Сануки (о. Сикоку).

Данное стихотворение взято из ант. «Сикасю» («Песни любви», книга первая). Выбор именно этого, благожелательного по смыслу, стихотворения для «Изборника», видимо, как-то связан с тем, что обиженный дух Сутоку-ин считался причиной дальнейших бедствий страны и поэтому всяческое его умиротворение почиталось весьма важным.

**МИНАМОТО-НО
КАНЭМАСА**

«Не свидимся мы!» —
От побережий Авадзи незримых
Чаек пролётный крик.
Как часто тебя будил он,
О страж заставы Сума!

源氏

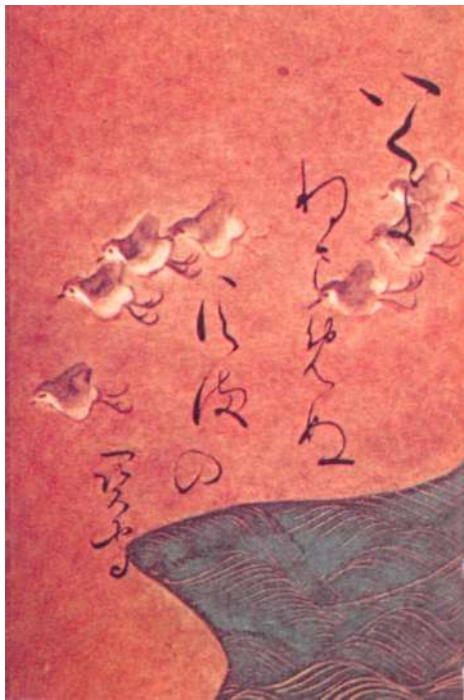
あまの

清

子の

かき

いんげん
ちんげん

以後の

夏

МИНАМОТО-НО КАНЭМАСА (конец XI века) — представитель знатного рода. Занимал скромные должности при дворе.

Данное стихотворение взято из ант. «Кинъёсю» («Песни зимы»).
Авадзи — небольшой остров, отделенный от Хонсю узким проливом. Это название звучит по-японски также, как отрицательная форма глагола «встречаться». Застава Сума находилась на побережье Хонсю недалеко от бухты Сума. Фудзивара-но Тэйка сложил на тему стихотворения Канэмаса такое стихотворение: «Ночлег в пути. // Нескончаемы на тропе сновидений // Летят и летят, // Заставу Сума минуя, // Чаек пред-рассветные голоса.»

**САКЁ-НО ТАЙФУ
АКИСУКЭ**

Ветер осенний
Гонит облака в вышине.
Сквозь летучие клочья
Так ярк, так чист прольется
Ослепительный лунный луч.

左京大夫

孔補

此之

桐川

の

の

流る

САКЁ-НО ТАЙФУ АКИСУКЭ (управитель
левой части столицы Фудзивара-но
Акисукэ, 1090—1155) — талантливый
поэт, составитель антологии «Сика-
сю». Сохранилось его «Личное собра-
ние».

Данное стихотворение взято из ант.
«Синкокинсю» («Песни осени», книга
первая).

**ТАЙКЭНМОНЪИН-НО
ХОРИКАВА**

Долго ли будешь
Мне верен, не ведаю я,
Но спутались пряди
Черных волос моих... Смута
Такая на сердце утром!

待墮門院堀川

あきらめ

心はしら

まろし

ТАЙКЭНМОНЪИН-НО ХОРИКАВА (даты жизни неизвестны) — придворная дама Тайкэнмонъин (1101—1145), жены государя Сутоку-ин. Талантливая поэтесса. Была связана дружескими отношениями с Сайгё [86]. Сохранилось ее «Личное собрание». Данное стихотворение взято из ант. «Сэндзайсю» («Песни любви», книга третья).

**ГОТОҚУДАЙДЗИ-НО
САДАЙДЗИН**

Я взглядом ишу:
Не там ли сейчас промелькнул
Кукушки голос?
Но нет! Одна лишь луна
Медлит в рассветном небе.

後德大寺左大臣

伊予守

守

守

守

守

白
子

の
ま
は
り

の
ま
は
り

ГОТОКУДАЙДЗИ-НО САДАЙДЗИН (Левый министр по прозвищу Готокудайдзи, Фудзивара-но Санэсада, 1139—1192) — талантливый поэт, искусный исполнитель священного дворцового действия «кагура», сочинитель имаё («песен на современный лад»). Герой многих преданий. Племянник Фудзивара-но Тосинари [83]. Сохранились его «Личное собрание» и сочинения в прозе.

Данное стихотворение взято из ант. «Сэндзайсю» («Песни лета»).

ДОИН-ХОСИ

Тяжка моя скорбы!
Ну что ж! И такую жизнь
Как-нибудь проживу.
Но затаенные слезы
Сильней меня — пролились!

道因法師

其のひ徒

七

名

あつし

(G)

Handwritten text in a cursive script, possibly Urdu or Persian, on aged, textured paper. The text is arranged in several lines, with some characters appearing to be stylized or decorative. The ink is dark, and the paper shows signs of wear and discoloration.

ДОИН-ХОСИ (даты жизни неизвестны) — монашеское имя Фудзивара-но Ацуёри. Знаменитый поэт.

Данное стихотворение взято из ант. «Сэндзайсю» («Песни любви», книга третья). Его смысл должен быть понят и в контексте последующих стихотворений, и по его месту в «Изборнике» Тэйка (где именами Тадамити и Сутоку-ин уже было обозначено начало «Смутного времени» японской истории, и в поэзии все сильнее звучат ноты скорби), и, наконец, в свете одного из стихотворений Фудзивара-но Тосинари: «Если ты не любил, // Разве обретешь ты в себе // Настоящее сердце? // А ведь только оно способно постичь // Мира печальную красоту!»

**КОТАЙГОГУ-НО ДАЙБУ
ТОСИНАРИ**

О, этот мир!
Мне нет из него дороги!
Даже в горной глуши,
Где в думах я затерялся,
Олень одинокий стонет.

皇太后御
後成

後成

世の中

は

道、は

かゝる

かゝる人

КОТАЙГОГУ-НО ДАЙБУ ТОСИНАРИ (Правитель двора государыни Фудзиварано Тосинари, 1114–1204) — выдающийся поэт. Составитель антологии «Сэндзайсю». Признанный глава литературного мира Японии в течение нескольких десятилетий. В молодости он был учеником Фудзиварано Мототоси, строгого ревнителя поэтического канона, но решающее влияние на него оказало новаторское творчество Минамото-но Тосиёри. В 1197 г., вероятно, по просьбе поэтессы Сёкуси-найсинно [89] он написал книгу «О старом и новом поэтическом стиле» («Корай футэйсё»). Здесь японская поэзия впервые предстает в процессе исторических изменений. В начале книги говорится: о значении поэзии в жизни людей: «Когда бы не было песни <...> как бы могли мы знать, что такое изначальное сердце?» Лишь «изначальному сердцу» (мото-но кокуро) внятен возвышенно-прекрасный смысл всего сущего. Пробудить это «сердце» способна настоящая по-

эзия. Объяснить, в чем отличие хорошей поэзии от плохой, не в силах никакой знаток. «Можно только сказать, что когда слышишь произведение настоящей поэзии (а японская классическая поэзия — это прежде всего поэзия звучащего слова. — В. С.), то слова его кажутся наделенными дивной красотой, а из сочетания, из движения слов рождается некий новый смысл, невыразимый в слове: сокровенный и темный (югэн)». Но где поэту найти слова для таких стихов? Они в его «изначальном сердце»: там живет старая поэзия, как воплощенный в слове образ мира. Отрешаясь от всего внешнего, суетного, он оказывается словно бы один во вселенной. Слагая стихи, он каждый раз вновь постигает смысл этого мира. Глубоко верующий буддист, Тосинари почитал поэзию равной религии. В 1150 году Тосинари создает стихотворение, признанное одним из наиболее совершенных воплощений «югэн»: «В сумраке вечера // Осенний вихрь над полями //

Пронзает душу. // Перепелиная жалоба. // Селенье Глубокие травы».

Данное стихотворение взято из ант. «Сэндзайсю» («Разные песни», книга вторая).

В силу ряда грамматических особенностей оно может восприниматься и как раздумье о человеческой жизни вообще, и как стихотворение, имеющее социальный подтекст. Тосинари был достаточно далек от политических страстей своей эпохи, но время несомненно окрасило его творчество. Известно, что осторожный поэт не решался даже включать стихотворение в составляемую им антологию и сделал это лишь по указанию государя.

**ФУДЗИВАРА-НО
КИЁСУКЭ-НО АСОН**

Если век мой продлится,
Я, быть может, и эту пору
Припомню с любовью.
О дни моих прежних несчастий,
Как по ним я теперь тоскую!

後原清輔朝臣

たしなむ

又

つら

まの

上
下
一
二
三
四
五
六
七
八
九
十

ФУДЗИВАРА-НО КИЁСУКЭ-НО АСОН

(1104—1177) — сын Фудзивара-но Акисукэ, талантливый поэт, один из крупнейших филологов. Сохранились его «Личное собрание», ряд трактатов по истории японской литературы. Стихи Киёсукэ отличались редкостным изяществом. Вот еще одно из его стихотворений, которое высоко ценил Тэйка: «Если ты не придешь, // Разве один я останусь? // Как шепчет тростник! // Вся гора наполнилась шелестом // В эту ночь, когда выпал иней.»

Данное стихотворение взято из ант. «Синкокинсю» («Разные песни», книга третья). Поэту было дано чрезвычайно почетное поручение составить очередную императорскую антологию поэзии. Он закончил работу, но государь Нидзё-тэнно, не успев утвердить ее, скончался, и антология не вошла в число официально признанных.

СЮНЪЭ-ХОСИ

Долгую ночь
Я во власти думы глубокой,
А рассвета нет.
Ни луча... Даже в щель моей
спальни
Пробился безжалостный мрак.

俊惠法師

五七寸

物

丁方

明

如

あ
の

日
り

は
る

は
る
な
る
は

СЮНЪЭ-ХОСИ (1113—?) —

талантливый поэт, сын Минамото-но Тосиёри. Для его взглядов на поэзию, с большой полнотой отраженных в книге его ученика Камо-но Тёмэя «Заметки безвестного» («Мумёсё», 1209), характерна унаследованная от отца трезвая широта суждений: «Истинная поэзия едина, она не зависит от направлений. Дурные стихи — дурны в любом стиле».

Сюньэ-хоси принадлежит наиболее развернутое образное описание принципа югэн как важнейшего в современной ему поэзии: «Это все равно что в разрывах тумана глядеть на осенние горы: видно совсем немного. Ты представляешь себе всю глубину тумана, и там, за ним, как хороши горы в осенней листве — и воображение твое ширится, и вот ты уже представляешь все это так, словно видишь на самом деле». Сохранилось «Личное собрание» Сюньэ-хоси.

Данное стихотворение взято из ант. «Сэндзайсю» («Песни любви», книга вторая).

САЙГЁ-ХОСИ

«Ну же, вздыхай!
Отдайся печали!» — Разве
Это луна мне велит?
А каким укором блистают
Лики маленьких слез!

西行法師

尤げ

月

物

地
す

か
ら

ふ
な
ら

し
の
ほ

な

САЙГЁ-ХОСИ (1118—1190) — см.
о нем Предисловие.

Данное стихотворение взято из ант. «Сэндзайсю» («Песни любви», книга пятая). Чувство любви в японской классической традиции, и прежде всего в поэзии, — высшее чувство, раскрывающее человеческое сердце сполна (красота, сострадание, постижение сокровенного смысла бытия), см. в особенности стихотворение Фудзивара-но Тосинари в [82]. *Это луна мне велит?* — Тема луны в стихах Сайгё многозначна. Лунный свет как выражение высшей истины и как свидетель и «соучастник» душевной жизни связаны у него неразрывно: «Пришлось разлучиться нам, // Но образ ее нигде, никогда // Я позабыть не смогу. // Она оставила мне луну // Стражем воспоминаний». (Перевод В. Марковой). Тем более неожиданным для знатоков было то, что Тэйка выбрал у Сайгё стихотворение, отмеченное легкой улыбкой, даже юмором. Между тем этот выбор говорит о глубочайшем его понимании творчества великого поэта.

ДЗЯКУРЭН-ХОСИ

Брызнула морось,
Но еще не просохли капли на
ЛИСТЬЯХ
Прекрасных деревьев,
А уж тянется кверху туман
Из глубин осеннего сумрака.

寂蓮法師

村辺のつゆ

と

い

い

焦乃

まらりを

のり丸

秋

の

夕
れ

ДЗЯКУРЭН-ХОСИ (1139—1202) — монашеское имя Фудзивара-но Сада-нага, племянника и приемного сына Тосинари. Талантливый поэт. Сохранился «Изборник Дзякурэн-хоси». Принял активное участие в составлении «Синкокинсю», но не дожил до ее завершения. В антологию входят тридцать пять его танка, в их числе и данное стихотворение («Песни осени», книга вторая).

**КОКАМОНЪИН-НО
БЭТТО**

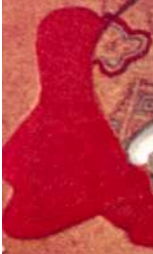
В Нанива на берегу
Срезан тростник под корень.
Одна короткая ночь,
Но нет мне теперь спасенья,
Любовь уносит меня.

雛波江の

白土嘉門院別当

河津の
花の
乃

天

也

は

あ

い

う

え

КОКАМОНЪИН-НО БЭТТО (даты жизни неизвестны) происходила из рода Минамото. Придворная дама государыни Кокомонъин, жены Сутоку-ин [77].

Данное стихотворение взято из ант. «Сэндзайсю» («Песни любви», книга третья). Было сложено для поэтического состязания на тему «Любовная встреча на кратком ночлеге в пути». См. комментарий 20.

СЁКУСИ-НАЙСИННО

Жизнь — нитка жемчужин!
Если ты порвешься, порвись!
Если век мой продлится,
Ослабею. Как удержу
То, что от всех я таила?!

式子内親王

玉の清

し

る

ね

か

は

馬の

の

の

年

の

の

СЁКУСИ-НАЙСИННО (чаще: Сикиси-найсинно, ум. 1201) — дочь государя Госиракава. Выдающаяся поэтесса. В 1159 году восьми- или десятилетней девочкой она стала жрицей-весталкой синтоистских храмов Камо в столице. Пробыла в этой должности десять лет. В 1197 году, заподозренная в принадлежности к одному из заговоров, она была вынуждена постричься в буддийские монахини. Сёкуси-найсинно была ученицей Тосинари [83]. По преданию, любовные узы связывали ее с Фудзивара-но Тэйка. Сохранилось «Личное собрание» Сёкуси-найсинно. Сорок девять ее стихотворений вошли в антологию «Синкокинсю».

Данное стихотворение взято из ант. «Синкокинсю» («Песни любви», книга первая). *Жизнь — нитка жемчужин!* — Жемчужное (яшмовое) ожерелье отождествлялось с дыханием — душой — жизнью (слово «тама» означает и «яшму» и «дух»).

**ИМБУМОНЪИН-НО
ТАЙФУ**

О, когда б ему показать
Рыбаков далекого Осима:
Как их рукава влажны.
Но морская вода бесцветна,
Не окрашена кровью слез.

殷富門院

右輔

みせしやな

をりかの

あゆら

りく
し
し

ИМБУМОНЪИН-НО ТАЙФУ (даты жизни неизвестны) — придворная дама принцессы Ймбумонъин, старшей сестры Сёкуси-найсинно. Талантливая поэтесса.

Данное стихотворение взято из ант. «Сэндзайсю» («Песни любви», книга четвертая). *Осима* — маленький остров близ тихоокеанского побережья Хонсю в р-не преф. Мияги.

**ГОКЁГОКУСЭССЁ-НО
САКИ-НО
ДАЙДЗЁДАЙДЗИН**

Сверчок не смолкает
Под половицей в морозной ночи.
Веет стужей циновка.
Не скинув одежды, прилягу.
Ужели мне спать одному?!

後京極攝政

前太政大臣

まをさしす

あま

あま

の

あま

三

三

三

三

三

三

ГОКЁГОКУСЭССЁ-НО САКИ-НО ДАЙДЗЁ-ДАЙДЗИН (бывший Великий министр и канцлер Фудзивара-но Ёсицунэ, 1169—1206) — выдающийся поэт. Автор предисловия к антологии «Синкокинсю», в которую вошло семьдесят девять его стихотворений (обширнее представлены только Сайгё и Дзиэн). Оставил сборники стихов на японском и китайском языке, «Дневник».

Данное стихотворение взято из ант. «Синкокинсю» («Песни осени», книга вторая). *Ужели мне спать одному?* — см. стихотворение Какиномото-но Хитомаро [3].

**НИДЗЁ-НО ИН-НО
САНУКИ**

Рукава мои, точно камни,
Незримые в море открытом
Даже в пору отлива.
Никогда они не просохнут,
А ты об этом не знаешь!

人
其
子
也

也

也

НИДЗЁ-НО ИН-НО САНУКИ (даты жизни неизвестны) — придворная дама государыни Нидзё-но ин, жены государя Го-Сиракава. Дочь талантливого поэта, прославленного героя феодальных войн Минамото-но Ёримаса (1104—1180), и сама известная поэтесса.

Данное стихотворение взято из ант. «Сэндзайсю» («Песни любви», книга вторая).

**КАМАКУРА-НО
УДАЙДЗИН**

Если б в нашем мире
Ничто не менялось вовек!
О, лодчонка на взморье!
Рыбак в ней правит веслом,
Второй — бичевой ее тянет.

蘆倉右大兄

也中々

しやう

しやう

かま

ま

しやう

あいの

ふか

乃

しん

と

КАМАКУРА-НО УДАЙДЗИН (Правый министр из Камакура, Минамото-но Санэтомо, 1192–1219) — сын первого военного правителя Японии, сёгуна Минамото-но Ёритомо. Стал сегуном в двенадцать лет. Был злодейски убит, когда феодалы из дома Ходзё повели борьбу за передел власти. Литературным наставником Санэтомо был Тэйка, написавший для него одну из замечательных своих работ об искусстве поэзии (к ней был приложен список «превосходнейших песен», многие из которых оказались затем в изборнике «Ста стихотворений»). В творчестве Санэтомо соединились открытия новейшей поэзии с глубоко усвоенной традицией «Манъёсю». Он успел составить книгу стихов «Кинка вакасю» — «Изборник песен Ямато — золотая софора», где около семисот танка. Данное стих. Тэйка дважды включал в свои антологии: в «Синтёкусэн вакасю» («Новый изборник песен Ямато — по указу государя», 1232) и в изборник «Ста стихотворений». В ант. 1232 г.

оно входит в «Песни странствий», без заглавия. В изборнике Санэтомо ему предшествует заголовок: «Лодка». Образ лодки неоднозначен в японской поэзии. В ряде песен «Манъёсю» «большая лодка» — образ надежности. Но начиная с эпохи «Кокинсю» лодка — символ зыбкого, изменчивого существования («Это всё сердце мое, // Что отплыть я решилась // В столь непрочной ладье. // Всякий день ее заливают // Невольные горькие волны», Оно-но Комати), символ, не лишенный буддийского оттенка. С буддийской идеей изменчивости, непостоянства земного бытия связана и первая часть стихотворения. Во второй его части звучат строки народной песни из двадцатого свитка «Кокинсю»: «Много мест в Митиноку, // А невольно вздохнешь в Сиогама — // Как лодка плывет по заливу, // Рыбак в ней правит веслом, // А второй бечевой ее тянет». Бухта Сиогама и ее побережье — прославленная красотой местность

на о. Хонсю (недалеко от совр. г. Сэндай в преф. Мияги). Снимая географическую конкретность, превращая лодку в «лодчонку» — и тем самым подчеркивая ее хрупкую невесомость на пространстве взморья, поэт «отдаляет» от нас пейзаж — возникает образ гармонического равновесия природы и человека. Мгновение остановлено. Но, сопоставленные с первыми двумя строками стихотворения, «составляющие» образа тотчас приходят в движение. Лишь на миг первая и вторая часть стихотворения «равны» друг другу. Ведь бытие — поток сменяющихся мгновений, и желание поэта неосуществимо. Человеку в потоке бытия не за что уцепиться, а «лодчонку» поддерживает бечева в руках рыбака, идущего берегом. Однако и это равновесие мгновенно: бечева не спасет в бурю. Поэт смутного времени, трагического мироощущения, Санэтомо привязан к мгновению всем своим существом: именно оно прекрасно и бесконечно.

САНГИ МАСАЦУНЭ

Осенний ветер
С прекрасных гор Ёсино.
Ночь глуше и глуше.
Холодно в Старом селенье.
Где-то вальки стучат.

參議雅經

みよしのの

ゆき

い

より

より

方

卯

く

三
池

あり

САНГИ МАСАЦУНЭ (советник Асукаи-но Масацунэ, 1170—1221) — вельможа из рода Фудзивара. Один из составителей «Синкокинсю», ученик Фудзивара-но Тосинари и Тэйка, талантливый поэт. Сохранилось его «Личное собрание».

Данное стихотворение взято из ант. «Синкокинсю» («Песни любви», книга вторая). *Старое селенье — Ёсино, в котором был расположен один из путевых дворцов государей. Где-то вальки стучат — прачки отбивают белье.*

**САКИ-НО ДАЙСОДЗЁ
ДЗИЭН**

Недостоин я,
Но, как древле Он, я стою
На священной горе.
Оселят народ в скорбном мире
Инока черные рукава!

前大僧正慈圓

大はあつとく

うまいせの

民

地

5

3
2
1

4
3
2
1

7
6
5
4
3
2
1

9
8
7
6
5
4
3
2
1

САКИ-НО ДАЙСОДЗЁ ДЗИЭН (Прежний архиепископ Дзиэн, 1155—1225) — сын Фудзивара-но Тадамити [76], один из крупнейших поэтов, выдающийся историк. Сохранился сборник в семи частях «Груда жемчужин» («Сюгёкусю», сост. 1328—1346), где более двух с половиной тысяч его танка. В «Синкокинсю» вошло девятнадцать стихотворений Дзиэна. Большим числом представлен один лишь Сайгё. Молодые годы Дзиэна были ознаменованы тесным общением с Сайгё. Этот именитый вельможа — единственный, пожалуй, среди учеников поэта-скитальца — воспринял самый дух его позднего творчества, в особенности его нравственный пафос: «И в мыслях этого нет, // А скажет: «О, я желал бы // Покинуть сей мир!» // Неужто и я стал таким, // Я, принесший обет отречения?!» — «Луна и звезды // Лют чистый и ясный свет, // Увы, напрасно! // Над людьми в этом мире земном // Неправда превыше всего!» Так же как у Сайгё, основная коллизия

поэзии Дзиэна: стремление уйти от мира и тяготение к миру во всей его жизненной полноте, но если Сайгё был странствующим монахом, то Дзиэн, приняв двадцати лет буддийский постриг, занимал важнейшие посты в церковной иерархии, он был духовником Готоба-ин, принимал активное участие в политике. Его исторический труд «Заметки глупца» (см. Предисловие), в котором он призывал к соединению усилий старой аристократии и военного дворянства ради успокоения и процветания страны, был, по сути дела, проповедью мира (почти несомненно связанную с этикой Сайгё). Тем большим ударом для Дзиэна было решающее участие Готоба-ин в военном заговоре против сёгунского правительства (1221) и кровавые схватки, сопутствовавшие этому заговору. Он тяжело заболел и вскоре умер.

Стихотворение взято из ант. «Сэн-дзайсю» («Разные песни», книга вторая). Тема высокого назначения буддийского пастыря характерна для по-

эзии Дзиэна: «О, мне бы повременить // На тропах этого мира, // Блуждающего во тьме! // Как бы высоко я нес // Путеводный светильник Закона!» Стихотворение «Недостойн я» связано с вступлением Дзиэна на пост главы секты Тэндай («Опора небес») ...*как древле Он, я стою // На священной горе.* — В 788 г. монах Сайтё (Дэнгё-дайси, 767—822), основатель учения Тэндай в Японии, заложил на горе Хиэй близ Киото храм Энрякудзи, ставший одним из оплотов буддизма. По преданию, он произнес тогда следующую танку: «Будды Знания! // Будды Пути и Прозренья! // Будьте защитой, // Осените милостью гору, // На которой храм возвожу я!»

**НЮДО САКИ-НО
ДАИДЗЁДАЙДЗИН**

Так, бурей увлечены,
Мянутся цветы над садом.
Но это — не снегопад.
Это старость моя белеет.
Завьюжило жизнь мою.

入道前太政大臣

を
た
し
た

あ
し
の

乃
乃

高
乃
乃

ゆりゆくしのわ

つるめがき

はあ

НЮДО САКИ-НО ДАЙДЭДАЙДЗИН (Высокородный монах, прежний Великий министр Сайондзи Кинцунэ, 1150—1224) — вельможа из рода Фудзивара, известный поэт. По преданию, раскрыл сёгунскому правительству планы участников заговора 1221 года.

Данное стихотворение взято из ант. «Синтёкусэнсю» («Разные песни», книга первая).

**ГОН-ТЮНАГОН
САДАИЭ**

Она не идет.

«Жди», — мне шепчет Сосновая

заводь

В вечерней тиши.

Жгут в солеварне травы.

Или сердце сгорает мое?

権中納言宣家

一為人語

かめ

うしろ

夕がき

ГОН-ТЮНАГОН САДАИЭ (советник Садаиэ — Фудзивара-но Тэйка, 1162—1241). Тэйка — китаизированное чтение иероглифов, составляющих японское имя Садаиэ.

Данное стихотворение (ант. «Синтёкусэнсю», «Песни любви», книга третья) было сложено для «Поэтического состязания во дворце государя в шестом году эры Кэмпо» (1218).
Сосновая заводь — условный перевод «Мацухо-но ура» — названия бухты у побережья о. Авадзи. Мацу [16].
В стихотворении Тэйка звучат строки из песни Каса-но Канамура («Манъёсю», № 935): «Слышал я, что в бухте там // Мацухо // Рыбачки есть, // Что в затишье поутру // Собирают на лугах // Водоросли жемчуга // А в затишье ввечеру // Жгут из водорослей соль. // Но надежды нет уплыть // Мне туда, // Чтоб видеть их...» (Перевод А. Е. Глускиной).

ДЗЮНИИ ИЭТАКА

Ветер шуршит
В дубах над Нара-но Огава.
Прохладен сумрак.
Лишь священное омовенье —
Знак, что лето еще не ушло.

近三位家隆

凡々よく

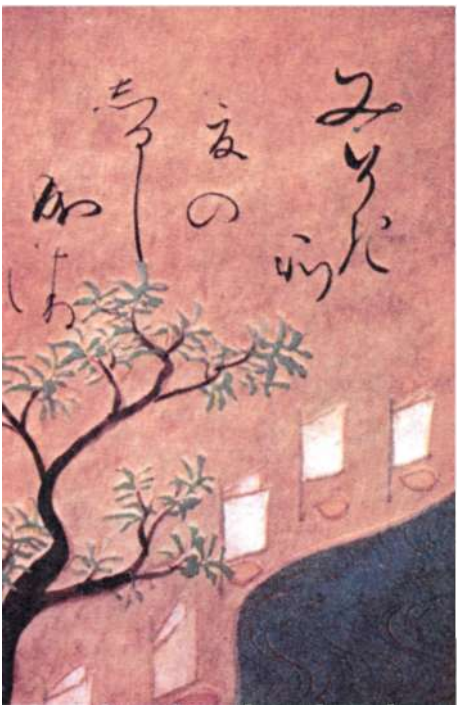
ちし

の

を川乃

夕とれハ

みゆた

の

あけ

しあ

ДЗЮНИИ ИЗТАКА (сановник второго младшего ранга Фудзивара-но Изтака, 1158—1237) — ученик Тосинари, выдающийся поэт, один из составителей «Синкокинсю». Современники отмечали изысканность и редкую свежесть его стихов: «Роса на полях! // Будто волны до меня доплеснули // Где-то на морском берегу. // Лунный свет, теряя дорогу, // Приютился на рукавах!»

Данное стихотворение взято из ант. «Синтёкусэнсю» («Песни лета»). Оно было сложено на тему живописи на ширмах в 1229 г. *Нара-но огава* — небольшая речка вблизи синтоистского храма Верхний Камо в Киото. В последний день лета (в конце шестой луны) совершался обряд очищения от земной скверны, ее смывали в речной воде. Священное омовенье в классической поэзии — образ уходящего лета. Так, у Сонэ-но, Еситада: «Священное омовенье... // Но ветерок пробежал // Над рекою Камо. // Рядом с любимой войду // В прохладную воду»..

ГОТОБА-ИН

Я жалею людей,
Я презираю людей.
Я отчаялся думать
О печалях этого мира
И в свою печаль погрузился.

後鳥羽院

人七

はら

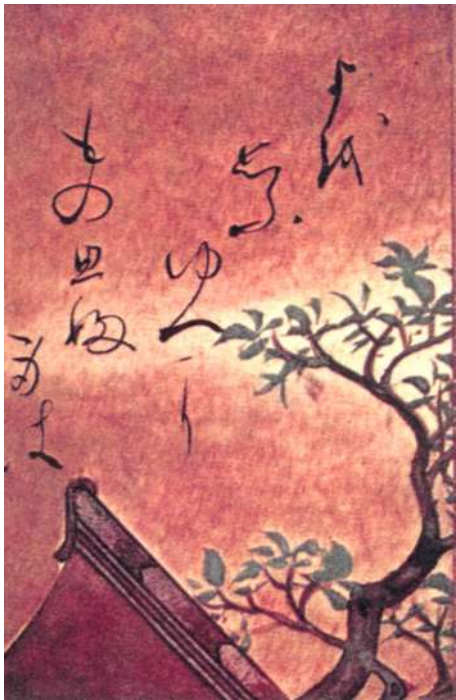
い

あ

あ

あ

もの

の
田
奴

ゆ

ふ
ん

あ
し

ГОТОБА-ИН (1180—1239, на престоле 1183—1198), восемьдесят второй император Японии, сделал в своей жизни две попытки вернуть императорскому сану былое значение. В 1201 г. он повелел составить новую поэтическую антологию, а двадцать лет спустя возглавил заговор против камакурского правительства. Вторая попытка закончилась неудачей, первая — прославила его имя. В начале 1205 г. составление антологии было в основном закончено, но еще полугодом раньше Тэйка в письме к Фудзивара-но Ёсицунэ, осознавая масштаб совершённого, с решимостью (свойственной ему во всем, что касалось поэзии) предложил название «Вновь составленная Кокинсю». Вскоре книга стала именоваться короче «Новая Кокинсю». В 1210 г. она обрела свой нынешний вид, но Готоба-ин трудился над ней и позже, и в 1221 г. в ссылке создал на ее основе, по существу, новый сборник. Это стихотворение впервые отмечено в сборнике Тэйка.

ДЗЮНТОКУ-ИН

О, дворец государей!
На стрехе обветшалай трава
«Синобу» — тоски сокрытой —
Все гуще, гуще растет,
Нескончаема память былого.

順徳院

と、
まゝ

ありん

新人の

志は
不
し

たを

あは

河

芳

り

ДЗЮНТОКУ-ИН (1197–1242) —
восемьдесят четвертый император
Японии, сын Готоба. В 1210 г. был
возведен на престол. В 1221 г., после
того, как провалился заговор его
отца, был сослан на о. Садо, где и
умер. Талантливый поэт, замечатель-
ный филолог, он собрал в шеститом-
ном своде сочинения японских лите-
раторов о поэзии.

Данное стихотворение взято из его
личного сборника. Написано оно бы-
ло за несколько лет до ссылки. Но,
выбирая его, как завершающее «Сто
стихотворений ста поэтов», Тэйка,
конечно, помнил о печальной участи
поэта, который и в изгнании не пре-
рывал своих трудов, оставаясь пре-
данным «песне Ямато» до конца
жизни.

Перевод книги выполнен по следующим изданиям:
ОДЗАКИ МАСАЁСИ, ХЯКУНИН ИССЮ ХИ-ТОЁ-ГАТАРИ (Сто стихотворений ста поэтов — по рассказу на вечер). Т. 1—2. Токио: Иванами сётен, 1980. Воспроизведение издания 1933 г. (1-го в Японии издания этой книги).
НИХОН-НО КОТЭН (сер. «Японская классика»). Т. 11. Токио: Кавада-Сёбо, 1972.

ОГУРА ХЯКУНИН ИССЮ (Сто стихотворений ста поэтов с горы Огура). Перевод на современный японский язык и комментарии ИКЭДА СЁСАБУРО.
ХАТА КОХЭЙ. Хякунин несю кайсэцу (Пояснения к «Ста стихотворениям ста поэтов» // УТАГАРУТА (Поэтические карты). Токио: Хэйбонся, 1984.
ХАТА КОХЭЙ — известный японский прозаик и поэт (р. 1935), благодаря любезности которого редакция и переводчик получили доступ к этому уникальному изданию, шедевру японского полиграфического искусства.

ОГАТА КОРИН 1658–1716

Между книгой Фудзивара-но Тэйка и живописью Огата Корин — без малого пять веков. Но живая традиция скрадывает время. Тем более когда воспетые некогда в стихах горы и реки, весеннюю дымку и осенний туман видишь каждый день и во всякий час. Корин родился в Киото (старом Хэйане) и прожил там большую часть жизни. Он не однажды любовался красными кленами или лунным светом возле горы Огура, в тех же местах, где когда-то стоял роскошный загородный дом Уцуномия Ёрицуна. Дом, в котором хранились сёдзи, расписанные, вероятно, самим Фудзивара-но Нобудзанэ (1176–1265 ?) — на темы «Ста стихотворений». Он бродил по берегам Удзи, в которой рыбаки веками (еще со времен «Манъёсю») расставляли верши для ночной ловли прозрачных рыбок

«хио», как это изображено в шестьдесят четвертом стихотворении. Не потому ли он столь непринужден в живописном прочтении этой танка Садаёри? Ведь на картине появляется мост через речку, которого нет у поэта: не в память ли о «деве-хранительнице моста Удзи» и о известном стихотворении Тэйка:

Циновка так холодна!
В одинокую ночь ожиданья
Ветер осени леденит.
Луной прикрылась, как рукавом,
Девушка с берега Удзи.
(Перевод Веры Марковой)

И, несомненно, он с особым чувством размышлял над стихотворением Ари-вара-но Нарихира. «Век могучих богов...», так как не понаслышке знал текстильное дело. Он родился в семье знаменитого торговца тканями Огата Сокэн, который и стал его

первым наставником в ремесле художества.

Киото издавна славился ткачами и художниками по тканям. Шелк и парча киотских умельцев поднимались до высот настоящего искусства. Не менее замечательны были мастера керамики и лака. Глядя на морские волны на его картинах — словно тугие свертки драгоценной ткани, на реки, эти свободно брошенные синие полотна, любуюсь праздничной звучностью и силой цвета, изумительной свободой декоративных и колористических решений, следует помнить, что Корин — художник по тканям, мастер лаковых шкатулок, вееров — прославлен не менее, чем живописец.

Поставщик императорского двора, его отец был связан родственными узами с интеллигенцией Киото. Художник, каллиграф, поэт, он привил сыну любовь к литературе, театру.

Огата Корин любил и глубоко понимал искусство театра монодической драмы Но. Действие пьес Но разворачивалось перед неизменным задником: старая искривленная сосна зеленого цвета на золотом фоне. Читателю непременно нужно иметь это в виду, когда он рассматривает живопись Корина к «Ста стихотворениям».

Золотой фон, то глубокий, то в слабых размывах, унаследован от буддийской живописи эпохи Хэйан. Им виртуозно пользовались и художники школы Кано, у которых Корин учился детальной, едва ли не натуральной проработке в живописи деревьев, выразительному контуру, и — Таварая Сотаци, росписи на ширмах которого научили Корина понимать могущество свободного цветового пятна, и — Хонъями Коэцу, который по золотому фону писал прихотливые строки прославленных «Ста стихотворений». Золотой фон создает у

Корина единство всей живописной сюиты. Его таинственные мерцания — интегральная часть пространства картины, ее философская основа.

Один из творцов великой городской культуры Японии в последней трети XVII — первой половине XVIII века, Огата Корин был современником поэта Басё, прозаика Сайкаку, драматурга Тикамацу. Это не было простым соседством. Всех их объединяло глубокое претворение различных линий многовековой культурной традиции, понимание жизни и искусства; наконец, разнообразие дарований: ведь Корин был замечательным мастером стилизованного письма, искусным поэтом. Он и читает стихи «Изборника» как поэт. Он приближает или удаляет части пейзажа, следуя смысловому ритму стихотворения, но всегда решая композицию по-своему, глазами человека своего времени.

В наших заметках об Огата Корин использованы следующие работы: Глухарева О. Н. Огата Корин // Сб.: Искусство Японии. М., 1965. Бродский В. Е. Японское классическое искусство. М., 1969. Николаева Н. С. Декоративное искусство Японии, М., 1972.

- 1 ТЭНДЗИ-ТЭНО
- 2 ДЗИТО-ТЭННО
- 3 КАКИНОМОТО-НО ХИТОМАРО
- 4 ЯМАБЭ-НО АКАХИТО
- 5 САРУМАРУ-ДАЮ
- 6 ОТОМО-НО ЯКАМОТИ
- 7 АБЭ-НО НАКАМАРО
- 8 КИСЭН-ХОСИ
- 9 ОНО-НО КОМАТИ
- 10 СЭМИМАРУ
- 11 САНГИ ТАКАМУРА
- 12 СОДЗЁ ХЭНДЗЁ
- 13 ЁДЗЭЙИН
- 14 КАВАРАНО САДАЙДЗИН
- 15 КОКО-ТЭННО
- 16 ТЮНАГОН ЮКИХИРА
- 17 АРИВАРАНО
НАРИХИРА-НО АСОН
- 18 ФУДЗИВАРАНО
ТОСИЮКИНО АСОН
- 19 ИСЭ
- 20 МОТОЁСИНО СИННО
- 21 СОСЭЙ-ХОСИ
- 22 БУНЬЯ-НО ЯСУХИДЭ
- 23 ОЭ-НО ТИСАТО
- 24 КАНКЭ
- 25 САНДЗЁ-НО УДАЙДЗИН
- 26 ТЭИСИНКО
- 27 ТЮНАГОН КАНЭСУКЭ
- 28 МИНАМОТО-НО
МУНЭЮКИНО АСОН

- 29 ОСИКОТИНО МИЦУНЭ
- 30 МИБУНО ТАДАМИНЭ
- 31 САКАНОЭ-НО КОРЭНАРИ
- 32 ХАРУМИТИНО ЦУРАКИ
- 33 КИНО ТОМОНОРИ
- 34 ФУДЗИВАРАНО ОКИКАДЗЭ
- 35 КИНО ЦУРАЮКИ
- 36 КИЁВАРАНО ФУКАЯБУ
- 37 БУНЪЯ-НО АСАЯСУ
- 38 УКОН
- 39 САНГИ ХИТОСИ
- 40 ТАЙРА-НО КАНЭМОРИ
- 42 МИБУНО ТАДАМИ
- 42 КИЁВАРАНО МОТОСУКЭ
- 43 ТЮНАГОН АЦУТАДА
- 44 ТЮНАГОН АСАТАДА
- 45 КЭНТОКУКО
- 46 СОНЭ-НО ЁСИТАДА
- 47 ЭГЁ-ХОСИ
- 48 МИНАМОТО-НО СИГЭЮКИ
- 49 ОНАКАТОМИНО
ЁСИНОБУ-НО АСОН
- 50 ФУДЗИВАРАНО ЁСИТАКА
- 51 ФУДЗИВАРАНО
САНЭКАТА-НО АСОН
- 52 ФУДЗИВАРАНО
МИТИНОБУ-НО АСОН
- 53 УДАЙСЁ МИТИЦУНАНО ХАХА
- 54 ПИДОСАНСИНО ХАХА
- 55 ДАЙНАГОН КИНТО
- 56 ИДЗУМИСИКИБУ

- 57 МУРАСАКИ-СИКИБУ
- 58 ДАЙНИНО САМИИ
- 59 АКАДЗОМЭНО ЭМОН
- 60 КОСИКИБУНО НАЙСИ
- 61 ИСЭНО ТАЙФУ
- 62 СЭЙ-СЕНАГОН
- 63 САКЁНО ТАЙФУ МИТИМАСА
- 64 ГОН-ТЮНАГОН САДАЁРИ
- 65 САГАМИ
- 66 ДАЙСАДЗЁ ГЁДЗОН
- 67 СУОНО НАЙСИ
- 68 САҢДЗЁНО ИН
- 69 НОИН-ХОСИ
- 70 РЕДЗЭН-ХОСИ
- 71 ДАЙНАГОН ЦУНЭНОБУ
- 72 ЮСИНАЙСИННОКЭНО КИ
- 73 ГОН-ТЮНАГОН МАСАФУСА
- 74 МИНАМОТОНО
ТОСИЁРИНО АСОН
- 75 ФУДЗИВАРАНО МОТОТОСИ
- 76 ХОССЁДЗИНО НЮДО САКИНО
КАМПАКУ ДАЙДЗЁДАЙДЗИН
- 77 СУТОКУ-ИН
- 78 МИНАМОТОНО КАНЭМАСА
- 79 САКЁНО ТАЙФУ АКИСУКЭ
- 80 ТАЙКЭНМОНЪИННО ХОРИКАВА
- 81 ГОТОКУДАЙДЗИНО САДАЙДЗИН
- 82 ДОИН-ХОСИ
- 83 КОТАЙГОГУНО ДАЙБУ ТОСИНАРИ
- 84 ФУДЗИВАРАНО КИЁСУКЭНО АСОН
- 85 СЮНЬЭ-ХОСИ

- 86 САЙГЁ-ХОСИ
- 87 ДЗЯКУРЭН-ХОСИ
- 88 КОКАМОНЬИННО БЭТТО
- 89 СЁКУСИНАЙСИННО
- 90 ИМБУМОНЬИННО ТАЙФУ
- 91 ГОКЁГОКУСЭССЁ-НО САКИНО
ДАЙДЗЁДАЙДЗИН
- 92 НИДЗЁ-НО ИННО САНУКИ
- 93 КАМАКУРА-НО УДАЙДЗИН
- 94 САНГИ МАСАЦУНЭ
- 95 САКИНО ДАЙСОДЗЁ ДЗИЭН
- 96 НЮДО САКИНО ДАЙДЗЁДАЙДЗИН
- 97 ГОН-ТЮНАГОН САДАИЭ
- 98 ДЗЮНИИ ИЭТАКА
- 99 ГОТОБА-ИН
- 100 ДЗЮНТОКУ-ИН

СТО СТИХОТВОРЕНИЙ СТА ПОЭТОВ

Перевод со старояпонского

Виктора Сановича

Редактор

И. П. Глазырина

Художественный редактор

Г. М. Грозная

Технический редактор

В. Л. Юняев

Корректор

В. А. Коротаяева

Ретушеры:

Л. А. Егорова,

С. И. Григорова

Сдано в набор 20.04.89. Подписано в печать 13.03.90. Формат 84x108/128. Бум. мелованная. Гарнитура Гельветика. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,51. Усл. кр.-отт. 26,15. Уч.-изд. л. 8,35. Тираж 7000 экз. Изд. № 4174. Заказ 4256. Цена 10 р. 50 к. Издательство «Книга» 125047. Москва, ул. Горького, 50

Набор изготовлен в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» при Госкомпечати СССР. 113054, Москва, Валовая, 28

Отпечатано в типографии № 5 при Госкомпечати СССР. 129243, Москва, Мало-Московская ул., 21

С $\frac{4703020020-026}{002(01)-90}$ Без объявл.

ISBN 5-212-00273-7

百人一首